UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00320702 4

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

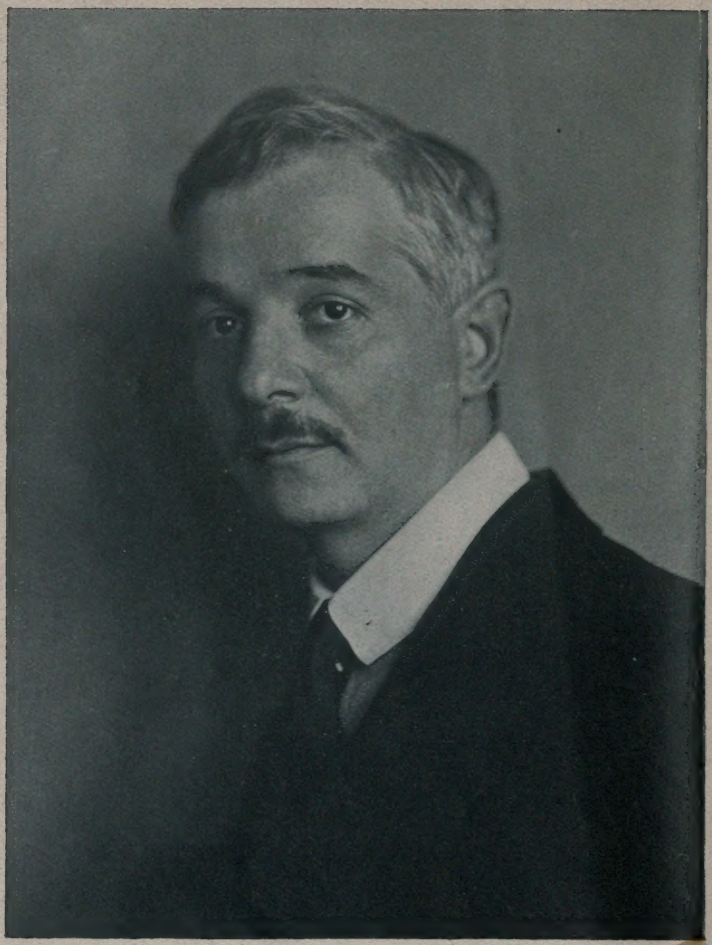
WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

I

30



А. Черный.

А. ЧЕРНЫЙ

САТИРЫ

LIKBERG, ALEKSANDR MIKHAĬLOVICH

А. ЧЕРНЫЙ

SATIRY

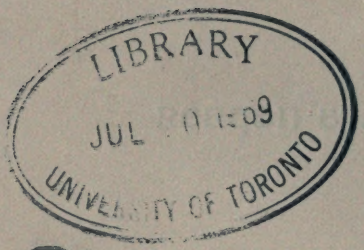
САТИРЫ

Книга первая

НОВОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ ВЪ БЕРЛИНѢ
1 9 2 2

5 3



PG
3476
G545S3
1922

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ, DRESDNERSTRASSE 82-83

КРИТИКУ.

Когда поэтъ, описывая даму,
Начнетъ: „Я шла по улицѣ. Въ бока впился корсетъ“...
Здѣсь „я“ не понимай, конечно, прямо,
Что, молъ, подъ дамою скрывается поэтъ.
Я истину тебѣ по дружески открою:
Поэтъ — мужчина. Даже съ бородою.

I

ВСѢМЪ НИЩИМЪ ДУХОМЪ

ЛАМЕНТАЦІИ.

Хорошо при свѣтѣ лампы
Книжки милыя читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишамъ бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньемъ красоты,
Лить душистый медъ искусства
Въ бездну русской пустоты...

Въ книгахъ жизнь широкимъ пиромъ
Тѣшитъ всѣхъ своихъ гостей,
Окружая ихъ гарниромъ
Изъ страданья и страстей:

Смѣхъ, борьба и перемѣны,
Съ мясомъ вырванъ каждый клокъ!
А у насъ... углы да стѣны
И надъ ними потолокъ.

Но подчасъ, не вѣря миѳамъ,
Такъ событій личныхъ ждешь!
Заболѣть бы, что-ли, тифомъ,
Учинить бы, что-ль, дебошъ?

Въ книгахъ геній Соловьевыхъ,
Гейне, Гете и Золя,
А вокругъ отъ Ивановыхъ
Содрагается земля.

На полотнахъ Магдалины,
Сонмъ Мадоннъ, Венеръ и Фринъ,
А вокругъ — кривыя спины
Мутноглазыхъ Акулинъ.

Гдѣ событья нашей жизни,
Кромѣ насморка и блохъ?
Мы давно живемъ, какъ слизни,
Въ нищетѣ случайныхъ крохъ.

Спимъ и хнычемъ. Въ видѣ спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищемъ Бога, ищемъ чорта,
Потерявъ самихъ себя.

И съ утра до поздней ночи
Всѣ, отъ крошекъ до старухъ,
Углубивъ въ страницы очи,
Небывалымъ дразнятъ духъ.

Въ звукахъ музыки — страданье,
Боль любви и шопотъ грёзъ,
А вокругъ одно мычанье,
Стоны, храпъ и посвистъ лозъ.

Отчего? Молчи и дохни.
Рокъ — хозяинъ, ты — лишь рабъ.
Плюнь, ослѣпни и оглохни,
И ворочайся, какъ краббъ!

. . . . . .

Хорошо при свѣтѣ лампы
Книжки милыя читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишамъ бренчать.

1909 г.

ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ.

Вчера мой котъ взглянулъ на календарь
И хвостъ трубою поднялъ моментально,
Потомъ подралъ на лѣстницу, какъ встарь,
И завопилъ тепло и вакханально:

— „Весенній бракъ! Гражданскій бракъ!
Спѣшите, кошки, на чердакъ...“

И кактусъ мой, — о чудо изъ чудесъ, —
Залитый чаемъ и кофейной гущей,
Какъ новый Лазарь, — взялъ — да и воскресъ
И съ каждымъ днемъ претъ изъ земли все пуще.

Зеленый шумъ... Я пораженъ:
„Какъ много думъ наводитъ онъ!“

Уже съ панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скалываютъ дворники лихіе,
Уже ко мнѣ забрелъ сегодня „князь“,
Взялъ теплый шарфъ и лыжи бѣговыя...

— Весна, весна! — Пою, какъ бардъ:
Несите зимній хламъ въ ломбардъ.

Сіяетъ солнышко. Ей-Богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дымъ и копоть,
Морозъ уже не щиплетъ никого,
Но многимъ нечего, какъ и зимою, лопать...

Деревья ждутъ... Гніетъ вода,
И пьяныхъ больше, чѣмъ всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думалъ, что она не возвратится, —
Но... дай сбѣжать въ лѣсную тишину
Отъ злобы дня, холеры и столицы!

Весенній вѣтеръ за дверьми...
Въ кого бъ влюбиться, чортъ возьми?

ПѢСНЯ О ПОЛѢ.

„Проклятые" вопросы,
Какъ дымъ отъ папиросы,
Разсѣялись во мглѣ.
Пришла Проблема Пола,
Румяная фефела,
И ржетъ навеселѣ.

Заерзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочій весь народъ.
Виватъ, Проблема Пола!
Сплетайте вкругъ подола
Веселый „Хороводъ"...

Ни слезъ, ни жертвъ, ни муки...
Подымемъ знамя-брюки
Высоко надъ толпой.
Ахъ, нѣтъ доступнѣй темы!
На ней сойдемся всѣ мы —
И зрячій, и слѣпой.

Научно и пріятно,
Идейно и занятно —
Умѣй моментъ учесть:
Для слабенькой головки
Въ Проблемѣ-мышеловкѣ
Всегда приманка есть.

АНАРХИСТЪ.

Жилъ на свѣтѣ анархистъ.
Красилъ бороду и щеки,
Ѣздилъ къ нѣмкѣ въ Теріоки
И при этомъ былъ садистъ.

Вдоль затылка жались складки
На багровой полосѣ.
Ѣлъ за двухъ, носилъ перчатки —
Словомъ, дѣлалъ то, что всѣ.

Разъ на вечерѣ поповичъ,
Молодой идеалистъ,
Обратился: „Петръ Петровичъ,
Отчего вы анархистъ?“

Петръ Петровичъ поднялъ брови,
И багровый, какъ буракъ,
Оборвалъ на полусловѣ:
„Вы невѣжа и дуракъ!“

ПОШЛОСТЬ.

(Пастель.)

Лиловый лифъ и желтый бантъ у бюста,
Безглазые глаза, какъ два пупка.
Чужіе локоны къ вискамъ прилипли густо,
И маслянисто свѣсились бока.

Сто словъ, навитыхъ въ черепѣ на роликъ,
Замусленную всѣми ерунду, —
Она, какъ четки набожный католикъ,
Перебираетъ вѣчно на ходу.

Въ ея салонахъ — Всѣ, толпою смѣлой
Содравши шкуру съ дѣвственныхъ Идей,
Хватаютъ лапами безчувственное тѣло
И рьяно ржутъ, какъ стадо лошадей.

Тамъ говорятъ, что вздорожали яйца,
И что комета стала надъ Невой, —
Любуясь, какъ каминные китайцы
Киваютъ въ тактъ, подъ грамофонный вой.

Сама мадамъ наклонна къ идеаламъ:
Законную двуспальную кровать
Подъ стеганымъ атласнымъ одѣяломъ
Она всегда умѣла охранять.

Но носъ суя любовно и сурово
Въ случайный хламъ безштемпельныхъ „грѣховъ",
Она читаетъ вечеромъ Баркова
И съ кучеромъ храпитъ до пѣтуховъ.

Поетъ. Рисуетъ акварелью розы.
Слѣдитъ, дрожа, за модой всѣхъ сортовъ,
Копя остроты, слухи, фразы, позы
И растлѣвая музу и любовь.

На каждый шагъ — расхожій катехизисъ,
Прин-ци-пі-аль-но носитъ бандажи,
Некстати поминаетъ слово „кризисъ"
И томно тяготѣетъ къ глупой лжи.

Въ тщеславномъ, нестерпимо-остромъ зудѣ
Всегда смѣшна, себѣ самой въ ущербъ,
И даже на интимнѣйшей посудѣ
Имѣетъ родовой, дворянскій гербъ.

Она въ родствѣ и дружбѣ неизмѣнной
Съ бездарностью, нахальствомъ, пустякомъ.
Знакома съ лестью, паѳосомъ, измѣной
И, кажется, въ амурахъ съ дуракомъ...

Ее не знаютъ, къ счастью, только... Кто же?
Конечно — дѣти, звѣри и народъ.
Одни — когда со взрослыми не схожи,
А тѣ — когда подальше отъ господъ.

Портретъ готовъ. Карандаши бросая,
Прошу за грубость мнѣ не дѣлать сценъ:
Когда свинью рисуешь у сарая —
На полотнѣ не выйдетъ belle Helène.

ПОТОМКИ.

Наши предки лѣзли въ клѣти
И шептались тамъ не разъ:
„Туго, братцы... Видно, дѣти
Будутъ жить вольготнѣй насъ".

Дѣти выросли. И эти
Лѣзли въ клѣти въ грозный часъ
И вздыхали: „Наши дѣти
Встрѣтятъ солнце послѣ насъ".

Нынче, также, какъ во вѣки,
Утѣшеніе одно:
Наши дѣти будутъ въ Меккѣ,
Если намъ не суждено.

Даже сроки предсказали —
Кто лѣтъ двѣсти, кто пятьсотъ,
А пока лежи въ печали
И мычи, какъ идіотъ.

Разукрашенныя дули,
Міръ умытъ, причесанъ, милъ...
Лѣтъ чрезъ двѣсти? Чорта въ стулѣ!
Развѣ я Маѳусаилъ?

Я, какъ филинъ, на обломкахъ
Переломанныхъ боговъ.
Въ неродившихся потомкахъ
Нѣтъ мнѣ братьевъ и враговъ.

Я хочу немножко свѣта
Для себя, пока я живъ,
Отъ портного до поэта,
Всѣмъ понятенъ мой призывъ...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребій свой
И кляня свои потемки,
Лупятъ въ стѣнку головой!

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА.

Квартирантъ сидитъ на чемоданѣ
И задумчиво разсматриваетъ полъ.
Тѣ же стулья и кровать, и столъ,
И такая же обивка на диванѣ,
И такой же „бигусъ“ на обѣдъ, —
Но на всемъ какой-то новый свѣтъ...

Блещутъ икры полной прачки Ѳеклы.
Перегнулся сильный станъ во дворъ.
Какъ нестройный, шаловливый хоръ,
Верещатъ намыленныя стекла,
И заплаты голубыхъ небесъ
Обѣщаютъ тысячи чудесъ.

Квартирантъ сидитъ на чемоданѣ.
Груды книжекъ покрываютъ полъ.
Злыя стекла свищутъ: эй, оселъ!
Квартирантъ копается въ карманѣ,
Вынимаетъ стертый четвертакъ,
Ключъ, сургучъ, копейку и пятакъ...

За окномъ стѣна въ сырыхъ узорахъ,
Сотни ржавыхъ трубъ вонзились въ высоту,
А въ Крыму миндаль уже въ цвѣту...
Вешній вѣтеръ закрутился въ шторахъ
И не можетъ выбраться никакъ.
Квартирантъ пропьетъ свой четвертакъ!

Такъ пропьетъ, что небу станетъ жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишь.
Ѳекла, Ѳекла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты рѣшительной и яркой:
Подойди, возьми его за чубъ
И ожги огнемъ весеннихъ губъ...

Квартирантъ и Ѳекла на диванѣ.
О, какой торжественный моментъ!
— Ты — народъ, а я интеллигентъ, —
Говоритъ онъ ей среди лобзаній.
— Наконецъ-то, здѣсь, сейчасъ, вдвоемъ,
Я тебя, а ты меня — поймемъ...

ОТЪѢЗДЪ ПЕТЕРБУРЖЦА.

Середина мая, и деревья голы...
Словно третья Дума дѣлала весну!
Въ зеркало смотрю я, злой и невеселый,
Смазывая іодомъ щеку и десну.

Кожа облупилась, складочки и складки,
Изъ зрачковъ сочится скука многихъ лѣтъ.
Кто ты, худосочный, жиденькій и гадкій?
Я?! О, нѣтъ, не надо, ради Бога, нѣтъ!

Злобно содрагаюсь въ спазмѣ эстетизма
И иду къ корзинкѣ складывать багажъ:
Бѣлая жилетка. Бальмонтъ, шипръ и клизма,
Желтые ботинки, Брюсовъ и бандажъ.

Пусть мои враги томятся въ Петербургѣ!
Ѣду, ѣду, ѣду — радостно и вдругъ.
Вѣдь не догадались думскіе Ликурги
Запрещать на лѣто удирать на югъ.

Синія кредитки вмѣсто Синей Птицы
Унесутъ туда, гдѣ солнце, степь и тишь.
Слезы увлажняютъ рѣдкія рѣсницы:
Солнце... Степь и солнце, вмѣсто стѣнъ и крышъ!

Былъ я богоборцемъ, былъ я миѳотворцемъ
(Не забыть панаму, плащъ, сперминъ и „кодъ"),
Но сейчасъ мнѣ ясно: только тошнотворцемъ,
Только тошнотворцемъ былъ я цѣлый годъ...

Надо подписаться завтра на газеты,
Чтобы отъ культуры нашей не отстать,
Заказать плацъ-карту, починить штиблеты
(Сбѣгать къ дамѣ сердца можно нынче въ пять).

Къ прачкѣ и въ ломбардъ, къ дантисту-иновѣрцу,
Къ доктору, — и прочь отъ береговъ Невы!
Въ головѣ — надежды вспыхнувшаго сердца,
Въ сердцѣ — скептицизмъ усталой головы...

ИСКАТЕЛЬ.

(Изъ дневника современника).

Съ горя я пошелъ къ врачу.
Врачъ пенснэ напялилъ на носъ:
„Нервность. Слабость. Очень рано-съ!
Ну-съ, такъ я вамъ закачу
Гуніяди-Яносъ".

Кровь ударила въ виски:
Гуніяди?! Отъ вопросовъ,
Отъ безвѣрья, отъ тоски?!
Врачъ сказалъ: „Я—не философъ.
До свиданья".

Я къ философу пришелъ:
Есть ли цѣль? Иль книги — ширмы?
Правда „школъ"—вѣдь правда фирмы?
Я живу, какъ темный волъ.
Объясните!

Заходилъ цвѣтной халатъ
Парой Егеровскихъ нижнихъ:
„Здѣсь безсиленъ самъ Сократъ!
Вы—п р о ф а н ъ. Ищите ближнихъ".
— Очень радъ.

Въ переулкѣ я поймалъ
Человѣка съ яснымъ взглядомъ
Я пошелъ тихонько рядомъ:
— Здравствуй, ближній... „Вы—нахалъ!“
— Извините...

Я пришелъ домой въ чаду,
Переполненный раздумьемъ.
Мысль играла въ чехарду
То съ насмѣшкой, то съ безумьемъ.
Пропаду!

Тихо входитъ няня въ дверь.
Вотъ еще одинъ философъ:
„Что сидишь, какъ дикій звѣрь?
Плюнь, да вѣруй—безъ вопросовъ“...
— Въ Гуніяди?

„Гу-ні-я-ди? Кто такой?
Не нѣмецкій ли святой?
Для спасенія души —
Всѣ святые хороши...“
Вышла.

Это не было сходство, допустимое даже въ лѣсу, — это было тожество, это было безумное превращеніе одного въ двоихъ.

(Л. Андреевъ. „Проклятіе звѣря").

Всѣ въ штанахъ скроенныхъ одинаково,
При усахъ, въ пальто и въ котелкахъ.
Я похожъ на улицѣ на всякаго
И совсѣмъ теряюсь на углахъ...

Какъ-бы мнѣ не обмѣняться личностью:
Онъ войдетъ въ меня, а я въ него —
Я охваченъ полной безразличностью
И боюсь рѣшительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелокъ! Растерзаю пиджакъ!!.
Я завидую каждой отдѣльной букашкѣ,
Я живу, какъ послѣдній дуракъ!..

Въ лѣсъ! Къ озерамъ и дѣвственнымъ елямъ!
Буду лазить, какъ рысь, по шершавымъ стволамъ.
Надоѣло ходить по шаблоннымъ панелямъ
И смотрѣть на подкрашенныхъ дамъ!

Принесетъ мнѣ ворона швейцарскаго сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если къ вечеру станетъ прохладно и сыро,
Обложу себѣ мохомъ бока.

Тамъ не будетъ газетныхъ статей и отчетовъ;
Можно лечь подъ сосной и немножко повыть,
Иль украсть изъ дупла вкуснопахнущихъ сотовъ,
Или землю отъ скуки порыть...

А настанетъ зима—упираться не стану:
Буду голоденъ, сиръ, малокровенъ и голъ —
И пойду къ лейтенанту, къ пріятелю Глану:
У него даровая квартира и столъ.

И скажу: „Лейтенантъ! Я – россійскій писатель,
Я безъ паспорта въ лѣсъ изъ столицы ушелъ,
Я усталъ, какъ собака, и, вѣришь, пріятель,
Какъ семьсотъ аллигаторовъ золъ!

Люди въ городѣ гибнутъ, какъ жалкіе слизни,
Я хотѣлъ свою старую шкуру спасти.
Лейтенантъ! Я бѣжалъ отъ безсмысленной жизни
И къ тебѣ захожу по пути"...

Мудрый Гланъ ничего мнѣ на это не скажетъ,
Принесетъ мнѣ дичины, вина, творогу...
Только пусть меня Гланъ основательно свяжетъ,
А иначе—я въ городъ сбѣгу.

ОПЯТЬ...

Опять опадаютъ кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросивъ сырыя кочевья,
Бѣгутъ, ошалѣвшіе, вспять.

Опять, перестроивъ и душу, и тѣло
(Цвѣточки и лѣтнее солнце—увы!),
Творимъ городское, ненужное дѣло
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни свѣта, ни красокъ.
Какъ призраки, носятся тѣни людей, —
Опять одинаковость сѣренькихъ масокъ
Отъ генія до лошадей.

По улицамъ шляется смерть. Проклинаетъ
Безрадостный городъ и жизнь безъ надеждъ,
Съ презрѣньемъ, зѣвая, на землю толкаетъ
Несчастныхъ, случайныхъ невѣждъ.

А рядомъ духовная смерть свирѣпѣетъ,
И со слѣпу коситъ, пьяна и сильна.
Все мало и мало, — коса не тупѣетъ,
И даль безнадежно черна.

Что будетъ? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будутъ, скучая, жевать,
А мелочи будутъ сплетаться въ оковы,
И ихъ никому не порвать.

О, домъ сумасшедшихъ, огромный и грязный!
Къ оконнымъ глазницамъ припалъ человѣкъ:
Онъ видитъ безформенный мракъ безобразный —
И въ страхѣ, что это навѣкъ,

Въ мучительной жаждѣ надежды и красокъ
Выходитъ на улицу, ищетъ людей...
Какъ страшно найти одинаковость масокъ
Отъ генія до лошадей!

КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА.

Утро. Мутныя стекла, какъ бѣльма,
Самоваръ на столѣ замолчалъ.
Прочелъ о визитахъ Вильгельма
И сразу смертельно усталъ.

Шагалъ отъ дверей до окошка.
Барабанилъ маршъ по стеклу
И слѣдилъ, какъ хозяйская кошка
Ловила свой хвостъ на полу.

Свисталъ. Разсматривалъ тупо
Комодъ, „Островъ мертвыхъ", кровать.
Это было и скучно и глупо—
И опять начиналъ я шагать.

Взялъ Маркса. Поставилъ на полку,
Взялъ Гете—и тоже назадъ.
Зѣвая, подглядывалъ въ щелку,
Какъ сосѣдка пила шоколадъ.

Напялилъ пиджакъ и пальтишко
И вышелъ. Думалъ, курилъ...
При мнѣ какой-то мальчишка
На мосту подъ трамвай угодилъ.

Сбѣжались. Я тоже сбѣжался.
Кричали. Я тоже кричалъ,
Махалъ рукой, возмущался
И карточку приставу далъ.

Пошелъ на выставку. Злился.
Ругалъ бездарность и ложь.
Обѣдалъ. Со скуки напился
И качался, какъ спѣлая рожь.

Поплелся къ пріятелю въ гости,
Говорилъ о холерѣ, добрѣ,
Гучковѣ, Урьелѣ д'Акостѣ —
И домой пришелъ на зарѣ.

Утро... Мутныя стекла, какъ бѣльма.
Кипитъ самоваръ. Рядомъ „Русь"
Съ рѣчами того-же Вильгельма.
Встаю—и снова тружусь.

ЖЕЛТЫЙ ДОМЪ.

Семья — ералашъ, а знакомые — нытики,
Смѣшной карнавалъ мелюзги,
Отъ службы, отъ дружбы, отъ прѣлой политики
Безмѣрно устали мозги.
Возьмешь-ли книжку — муть и мразь:
Одинъ кота хоронитъ,
Другой слюнитъ, разводитъ грязь
И сладострастно стонетъ...

Петръ Великій, Петръ Великій!
Ты одинъ виновнѣй всѣхъ:
Для чего на сѣверъ дикій
Понесло тебя на грѣхъ?
Восемь мѣсяцевъ зима, вмѣсто финиковъ—морошка.
Холодъ, слизь, дожди и тьма — такъ и тянетъ изъ окошка
Брякнуть внизъ о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что-же дальше, Боже мой?!

Каждый день по ложкѣ керосина
Пьемъ отраву тусклыхъ мелочей...
Подъ развратъ безсмысленныхъ рѣчей
Человѣкъ тупѣетъ, какъ скотина...

Есть парламентъ, нѣтъ? Богъ вѣсть,
Я не знаю. Черти знаютъ.
Вотъ тоска—я знаю—есть,
И безсилье гнѣва есть...
Люди ноютъ, разлагаются, дичаютъ,
А постылыхъ дней не счесть.

Гдѣ наше—близкое, милое, кровное?
Гдѣ наше—свое, безконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкій! Васъ не тянетъ изъ окошка
Объ мостовую брякнуть шалой головой?
Вѣдь тянетъ, правда?

ЗЕРКАЛО.

Кто въ трамваѣ, какъ акула,
Отвратительно зѣваетъ?
То зѣваетъ другъ-читатель
Надъ скучнѣйшею газетой.

Онъ жуетъ ее въ трамваѣ,
Дома, въ банѣ и на службѣ,
Въ ресторанахъ и въ экспрессѣ,
И въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Каждый день съ утра онъ знаетъ,
Съ кѣмъ обѣдалъ Францъ-Іосифъ,
И какую глупость въ Думѣ
Толстый Бобринскій сморозилъ...

Каждый день, впиваясь въ строчки,
Онъ глупѣетъ и умнѣетъ:
Если авторъ глупъ—глупѣетъ,
Если умница—умнѣетъ.

Но порою другъ-читатель
Головой мотаетъ злобно,
И ругаетъ, какъ извозчикъ,
Современныя газеты.

„Къ чорту! То ли дѣло Западъ
И испанскія газеты"...
(Кстати,—онъ силенъ въ испанскомъ,
Какъ испанская корова.)

Другъ-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь,—въ немъ зловѣще меркнетъ
Кто-то хмурый и безликій?

Кто-то хмурый и безликій,
Не испанецъ, о, нисколько,
Но скорѣе быкъ испанскій,
Обреченный на закланье.

Прочитай: въ глазахъ-глядѣлкахъ
Много-ль мыслей, смѣха, сердца?
Не брани же, другъ читатель,
Современныя газеты...

СПОРЫ.

Каждый правъ и каждый виноватъ.
Всѣ полны обиднымъ снисхожденьемъ
И, мѣшая истину съ глумленьемъ,
До конца обидѣться спѣшатъ.

Эти споры — споры безъ исхода,
Съ правдой, съ тьмой, съ людьми, съ самимъ собой,
Изнуряютъ тщетною борьбой
И пугаютъ нищенствомъ прихода.

По домамъ безсильно разбираясь,
Мы нашли-ли собственный отвѣтъ?
Что-жъ слѣпыя наши „да и нѣтъ"
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши жернова?
Или споръ особое искусство,
Чтобъ калѣча мысль и тѣша чувство,
Безъ конца низать случайныя слова?

Если-бъ были мы немного проще,
Если-бъ мы учились понимать,
Мы могли бы въ жизни не блуждать,
Словно дѣти въ незнакомой рощѣ.

Вновь забытый образъ выростаетъ:
Притаилась Истина въ углу,
И съ тоской глядитъ въ пустую мглу
И лицо руками закрываетъ...

ИНТЕЛЛИГЕНТЪ.

Повернувшись спиной къ обманувшей надеждѣ
И безпомощно свѣсивъ усталый языкъ,
Не раздѣвшись, онъ спитъ въ европейской одеждѣ
И храпитъ, какъ больной паровикъ.

Истомила Идея безплодьемъ интрижекъ.
По угламъ паутина лѣнивой тоски,
На полу вороха неразрѣзанныхъ книжекъ
И разбитыхъ скрижалей куски.

За окномъ непогода лютѣетъ и злится...
Стѣны прочны, и мягокъ пружинный диванъ.
Подъ осеннюю бурю такъ сладостно спится
Всѣмъ, кто блѣдной усталостью пьянъ.

Дорогой мой, шепни мнѣ сквозь сонъ по секрету,
Отчего ты такъ страшно и тупо усталъ?
За несбыточнымъ счастьемъ гонялся по свѣту,
Или, можетъ быть, землю пахалъ?

Дрогнулъ ротъ. Разомкнулись тяжелыя вѣжды,
Монотонные звуки уныло текутъ:
„Братъ! Одну за другой хоронилъ я надежды,
Братъ! Отъ этого больше всего устаютъ.

Были яркія рѣчи и смѣлые жесты
И неполныхъ желаній шальной хороводъ.
Я женихъ непришедшей прекрасной невѣсты,
Я больной, утомленный уродъ".

Смолкъ. А буря стучалась въ окошко,
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказалъ я, краснѣя, тоскуя и злясь:
„Братъ! Подвинься немножко".

1908.

ОТБОЙ.

За жирными коровами слѣдуютъ тощія,
за тощими — отсутствіе мяса.
Гейне.

По притихшимъ редакціямъ,
По растерзаннымъ фракціямъ,
По рутиннымъ гостинымъ,
За молчанье себя награждая съ лихвой,
Несется испуганный вой:
Отбой, отбой,
Оконченъ бой,
Подъ столъ гурьбой,
Огонь бенгальскій потуши,
Сосни свой палецъ, не дыши,
Кошмаръ исчезнетъ самъ собой, —
Отбой, отбой, отбой!
Читали, какъ сынъ полицмейстера ѣздилъ по городу,
Таскалъ по рынку почтеннѣйшихъ гражданъ за бороду,
Отъ нечего дѣлать нагайкой ихъ сѣкъ,
Одинъ — восемьсотъ человѣкъ?
Граждане корчились, морщились,
Потомъ послали письмо со слезою въ редакцію
И обвинили... реакцію.
Читали?
Ахъ, политика узка
И, притомъ, опасна.
Ахъ, партійность такъ рѣзка
И, притомъ, пристрастна.
Разорваны по листику
Программки и брошюры,
То въ ханжество, то въ мистику
Нагія прячемъ шкуры.

Славься, чистое искусство
Съ грязнымъ саломъ половымъ!
Въ немъ лишь черпать мысль
и чувство
Намъ — ни мертвымъ, ни живымъ.
Вѣчная память прекраснымъ и звучнымъ словамъ!
Вѣчная память дешевымъ и искреннимъ позамъ!
Страшно дрожать по своимъ безпартійнымъ угламъ
Крылья спалившимъ стрекозамъ!
Вѣдьмы, буки, черныя сотни,
Звѣздная палата, „черный кабинетъ"...
Все проворнѣй и все охотнѣй,
Лѣземъ сдуру въ чужія подворотни —
Влѣзъ. Молчокъ. И нѣтъ, какъ нѣтъ.
Отбой, отбой,
Въ моментъ любой,
Подъ столъ гурьбой.
Въ любой моментъ
Индифферентъ:
Семья, горшки,
Дѣла, грѣшки,
Само собой
Отбой, отбой, отбой!
„Отречемся отъ стараго міра"...
И полѣземъ гуськомъ подъ кровать.
Намъ, уставшимъ отъ шумнаго пира,
Надо свѣжія силы набрать.
Ура!!

1908.

1909.

Родился карликъ Новый годъ,
Горбатый, сморщенный уродъ,
Тоскливый шутъ и скептикъ,
Мудрецъ и эпилептикъ.

„Такъ вотъ онъ, милый божій свѣтъ?
А гдѣ же солнце? Солнца нѣтъ!
А, впрочемъ, я не первый,
Не стоитъ портить нервы".

И люди людямъ въ этотъ часъ
Бросали: „съ Новымъ Годомъ васъ!"
Кто честно заикаясь,
Кто кисло ухмыляясь...

Ну, какъ же тутъ не поздравлять?
Двѣнадцать мѣсяцевъ опять
Мы будемъ спать и хныкать
И пальцемъ въ небо тыкать.

Отъ мудрыхъ, среднихъ и ословъ
Родятся рѣки старыхъ словъ,
Но кто еще, какъ прежде,
Пойдетъ кутить къ надеждѣ?

Ахъ, милый, хилый Новый Годъ,
Горбатый сморщенный уродъ!
Зажги среди тумана
Цвѣтной фонарь обмана.

Зажги! Мы ждали много лѣтъ —
Быть можетъ, солнца вовсе нѣтъ?
Дай чуда! Вѣдь бывало
Чудесъ въ вѣкахъ не мало...

Какой ты старый, Новый Годъ!
Вѣдь мы равно наоборотъ
Считать могли бы годы,
Не исказивъ природы.

Да... Много мудраго у насъ...
А впрочемъ: съ Новымъ Годомъ васъ!
Давайте спать и хныкать
И пальцемъ въ небо тыкать.

НОВАЯ ЦИФРА.

(1910).

Накрутить вамъ образовъ, почтеннѣйшій?
Нанизать вамъ словъ кисло-сладкихъ,
Изысканно-гадкихъ
На нити банальнѣйшихъ строфъ?
Вотъ опять неизмѣннѣйшій
Тощій младенецъ родился,
А старый хрѣнъ провалился
Въ эту... какъ ее?... Въ Лету.

Какъ трудно, какъ нудно поэту!..
Словами свирѣпо-солдатскими
Хочется грубо и долго ругаться,
Цинично и долго смѣяться, —
Но вмѣсто того — лирическо-штатскими
Звуками нужно слагать поздравленье,
Ломая ноги каждой строкѣ,
И въ гнѣвно-безсильной рукѣ
Перо сжимая въ волненьи.

Итакъ: съ Новою Цифрою, братья!
Съ весельемъ... то бишь, съ проклятьемъ —
Дешевымъ шампанскимъ,
Цымлянскимъ
Наполнимъ утробы.

Упьемся! И въ хмѣлѣ, такомъ же дешевомъ,
О счастіи нашемъ грошевомъ
Мольбу къ небу пошлемъ,
Къ Небу, прямо въ сѣрыя тучи:
Счастья, здоровья, веселья,
Котлетъ, пиджаковъ и любовницъ.
Пищеваренье и сонъ —
Пошли намъ, сѣрое небо!...

Молодой снѣжокъ
Вьется, какъ пухъ изъ еврейской перины.
Голубой кружокъ —
(То-есть луна) — такой смѣшной и невинный.
Фонари горятъ
И мигаютъ съ усмѣшкою старыхъ знакомыхъ,
Я чему-то радъ
И иду впередъ безпечнѣй насѣкомыхъ.
Мысли такъ свѣжи,
Пальто на толстой подкладкѣ ватной.
И лучи-ужи
Ползутъ отъ глазъ къ фонарямъ и обратно...

Братья! Сразу и навѣки
Перестроимъ этотъ міръ.
Братья! Вѣрно, какъ въ аптекѣ:
Лишь любовь даруетъ миръ.
Такъ устроимъ же другъ другу
Съ Новой Цифры новый пиръ —
Я согласенъ для начала
Отказаться отъ сатиръ!

Пусть больше не будетъ ни глупыхъ, ни злобныхъ,
Пусть больше не будетъ слѣпыхъ и глухихъ,
Ни жадныхъ, ни стадныхъ, ни низко-утробныхъ —
Одно лишь семейство святыхъ...

. . . . . .

Я полную чашу россійскаго гною
За Новую Цифру, смѣясь, подымаю!
Пригубьте, о братья! Бокалъ мой до краю
Наполненъ вѣдь вами — не мною.

БЕЗСМЕРТЬЕ.

Безсмертье? Вамъ, двуногіе кроты,
Не стоящіе дня земного срока?
Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты
Того-же захотятъ, обидѣвшись глубоко . . .

Мѣщане съ крылышками! Пряники и рай!
Полвѣка жрали — и въ награду вѣчность . . .
Торгъ не дуренъ. „Помилуй и подай!"
Подай рабамъ патентъ на безконечность.

Тюремщики своей земной тюрьмы,
Грызущіе другъ друга въ каждой щели,
Украли у пророковъ ихъ псалмы,
Чтобъ бормотать ихъ въ храмахъ разъ въ недѣлю . . .

Намъ, зрячимъ, — безконечная печаль,
А имъ, слѣпымъ, — бенгальскія надежды,
Сусальная, сіяющая даль,
Гарантированныя брачныя одежды! . . .

Не клянчите! Господь и мудръ, и строгъ, —
Земные дни бездарны и убоги,
Не пуститъ васъ Господь и на порогъ,
Сгніете всѣ, какъ падаль у дороги.

ПРОСТЫЯ СЛОВА.

(Памяти Чехова.)

Въ наши дни трехмѣсячныхъ успѣховъ
И развязныхъ геніевъ пера
Ты одинъ, тревожно-мудрый Чеховъ,
Съ каждымъ днемъ намъ ближе, чѣмъ вчера...

Самъ не вѣришь, но зовешь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И съ безпомощной усмѣшкой тихо судишь
Оскорбившихъ землю и Отца.

Вотъ ты жилъ межъ нами, нѣжный, ясный,
Безконечно ясный и простой —
Видѣлъ міръ нашъ хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой.

И ушелъ! Но намъ больнѣй и хуже:
Много книгъ, о слишкомъ мого книгъ!
Съ каждымъ днемъ проклятый кругъ все уже,
И не сбросить „чеховскихъ" веригъ...

Ты хоть могъ, вскрывая торопливо
Гнойники, — смѣяться, плакать, мстить, —
Но теперь все вскрыто. Какъ тоскливо
Видѣть, знать, не ждать и — молча гнить!

УТѢШЕНІЕ.

Жизнь безцвѣтна? Надо, другъ мой,
Быть упорнымъ и искать:
Раза два въ году ты можешь,
Какъ король, торжествовать . . .

Если гдѣ нибудь случайно,
Въ маскарадѣ иль въ гостяхъ,
На площадкѣ-ли вагона,
Иль на палубныхъ доскахъ, —
Ты столкнешься съ человѣкомъ
Благороднымъ и простымъ,
До конца во всемъ свободнымъ,
Сильнымъ, умнымъ и живымъ, —
Накупи бенгальскихъ спичекъ,
Закажи оркестру тушъ,
Масломъ розовымъ намажься
И прими ликерный душъ!
Десять дней ходи во фракѣ,
Нищимъ сто рублей раздай,
Смѣйся въ горькомъ умиленьи
И отъ радости рыдай . . .

Два раза въ году — не шутка,
А при счастьи — три и пять.
Надо только, другъ мой бѣдный,
Быть упорнымъ и искать.

ДІЭТА.

Каждый мѣсяцъ къ сроку надо
Подписаться на газеты.
Въ нихъ подробные отвѣты
На любую немощь стада.

Боговздорецъ иль политикъ,
Радикалъ иль черный ракъ,
Геніальный иль дуракъ,
Оптимистъ иль кислый нытикъ,—
На газетной простынѣ
Всѣ найдутъ свое вполнѣ.

Получая аккуратно
Каждый день листы газетъ,
Я съ улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Ихъ бросаю за буфетъ.

Цѣлый мѣсяцъ эту пробу
Я продѣлалъ. Оживаю!
Потерялъ слѣпую злобу,
Самъ себя не истязаю;
Появился аппетитъ,
Даже мысли появились . . .
Снова щеки округлились, —
И печенка не болитъ.

Въ безвозмездное владѣнье
Отдаю я средство это
Всѣмъ, кто чахнетъ безъ просвѣта
Надъ унылымъ отраженьемъ
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой . . .

Получая аккуратно
Каждый день листы газетъ,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Ихъ бросайте за буфетъ.

ДВА ЖЕЛАНІЯ.

I.

Жить на вершинѣ голой,
Писать простые сонеты...
И брать отъ людей изъ дола
Хлѣбъ, вино и котлеты.

II.

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть безъ сновъ и, любопытства ради,
Проснуться лѣтъ чрезъ сто.

II

БЫТЪ

МЯСО.

(Шаржъ).

Брандахлысты въ бѣлыхъ брючкахъ
Въ лаунъ-тенисс'номъ азартѣ
Носятъ жирные зады.

Вкругъ площадки, въ модныхъ штучкахъ,
Крутобедрыя Астарты,
Какъ въ торговые ряды,

Зазываютъ кавалеровъ,
И глазами, и боками,
Обѣщая все для всѣхъ.

И гирлянды офицеровъ,
Томно дрыгая ногами,
„Сладкій празднуютъ успѣхъ".

Въ лакированныхъ копытахъ
Ржутъ пажи и роютъ гравій,
Изгибаясь, какъ лоза, —

На раскормленныхъ до сыта
Содержанокъ, въ модной славѣ,
Щуря сальные глаза.

Щеки, шеи, подбородки,
Водопадомъ въ бюстъ свергаясь,
Пропадаютъ въ животѣ,

Колыхаются, какъ лодки,
И, шелками выпираясь,
Вопіютъ о красотѣ.

Какъ ходячіе шнель-клопсы,
На короткихъ, пухлыхъ ножкахъ
(Вотъ хозяекъ дубликатъ!)

Грандіознѣйшіе мопсы
Отдыхаютъ на дорожкахъ
И съ достоинствомъ хрипятъ.

Шипръ и потъ, французскій говоръ...
Старый хрѣнъ въ англійскомъ платьѣ
Гладитъ ляжку и мычитъ.

Дипломатъ, шпіонъ иль поваръ?
Но безъ формы люди — братья, —
Кто ихъ, къ чорту, различитъ?..

Какъ наполненныя ведра,
Растопыренные бюсты
Проплываютъ безъ конца, —

И опять зады и бедра...
Но надъ ними, — будь имъ пусто, —
Ни единаго лица!

ВСЕРОССІЙСКОЕ ГОРЕ.

(Всѣмъ добрымъ знакомымъ съ отчаяньемъ посвящаю).

Итакъ — начинается утро.
Чужой, какъ рѣка Брахмапутра,
Въ двѣнадцать влетаетъ знакомый.
„Вы дома?“ Къ несчастью, я дома.
Въ карманѣ пославъ ему фигу,
Бросаю нѣмецкую книгу
И слушаю, вялъ и суровъ,
Наборъ изъ ненужныхъ мнѣ словъ.
Вчера онъ торчалъ на концертѣ, —
Ему нетерпѣлось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевыя чувства свои.

* * *

Обрушилъ! Ахъ, въ два пополудни
Мозги мои были, какъ студни...
Но, дверь запирая за нимъ
И жаждой работы томимъ, —
Услышалъ я новый звонокъ:
Пришелъ первокурсникъ-щенокъ.
Несчастный влюбился въ кого-то...
Съ багровымъ лицомъ идіота
Кричалъ онъ о „ней“, о богинѣ,
А я ее толстой гусыней
Въ душѣ называлъ безпощадно...
Не слушалъ! Съ улыбкою стадной
Кивалъ головою сердечно
И мямлилъ: „Конечно, конечно“.

* * *

Въ четыре ушелъ онъ... Въ четыре!
Какъ тигръ я шагалъ по квартирѣ.
Въ пять ожилъ и, вытеревъ потъ,
За прерванный сѣлъ переводъ.
Звонокъ... Съ добродушіемъ вѣдьмы
Встрѣчаю поэта въ передней.
Сегодня собратъ имянинникъ
И проситъ дать взаймы полтинникъ.
„Съ восторгомъ!“ Но онъ... остается!
Въ столовую томно плетется,
Извлекъ изъ за пазухи кипу
И съ хрипомъ, и сипомъ, и скрипомъ
Читаетъ, читаетъ, читаетъ...
А бѣсъ меня въ сердце толкаетъ:
Ударь его лампою въ ухо!
Всади кочергу ему въ брюхо!

* * *

Квартира? Танцклассъ-ли? Харчевня?
Прилѣзла рябая дѣвица:
Нечаянно „Мѣсяцъ въ деревнѣ“
Прочла и пришла „подѣлиться“...
Зачѣмъ она замужъ не вышла?
Зачѣмъ (подъ лопатки ей дышло!)
Ко мнѣ направляясь, — сначала
Она подъ трамвай не попала?
Звонокъ... Шаромыжникъ бродячій,
Случайный знакомый по дачѣ,
Раздѣлся, подсѣлъ къ фортепьяно
И лупитъ. Не правда-ли, странно?

* * *

Какіе-то люди звонили.
Какіе-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бѣгалъ тихонько на кухню
И плакалъ за вьюшкою грязной
Надъ жизнью своей безобразной.

ОБСТАНОВОЧКА.

Реветъ сынокъ. Побитъ за двойку съ плюсомъ.
Жена на локоны взяла послѣдній рубль.
Супругъ, убитый лавочкой и флюсомъ,
Подсчитываетъ мѣсячную убыль.

Кряхтятъ на счетахъ жалкія копейки:
Покупка зонтика и дровъ пробила брешь,
А розовый капотъ изъ бумазейки
Бросаетъ въ потъ склонившуюся плѣшь.

Надъ самой головой насвистываетъ чижикъ
(Хоть птичка Божія не кушала съ утра).
На блюдцѣ киснетъ одинокій рыжикъ,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка подъ кроватью ставитъ кошкѣ клизму,
Въ наплывѣ счастія полуоткрывши ротъ, —
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичнымъ голосомъ взволнованно оретъ.

Безбровая сестра въ облѣзшей кацавейкѣ
Насилуетъ простуженый рояль,
А за стѣной жиличка бѣлошвейка
Поетъ романсъ: „Пойми мою печаль!“ ...

Какъ не понять?! Въ столовой тараканы,
Оставя черствый хлѣбъ, задумались слегка,
Въ буфетѣ дребезжатъ сочувственно стаканы,
И сырость капаетъ слезами съ потолка.

СОВЕРШЕННО ВЕСЕЛАЯ ПѢСНЯ.

(Полька.)

Лѣвой, правой, кучерявый,
Что ты ерзаешь, какъ чортъ?
Угощеніе на славу,
Музыканты — первый сортъ.

Вотъ смотри:
Разъ, два, три.
Прыгай, дрыгай до зари.

Ай, трещатъ мои мозоли
И на юбкѣ позументъ!
Руки держитъ, какъ франзоли, *)
А еще интеллигентъ.

Ахъ, чудакъ,
Ахъ, дуракъ!
Лѣвой, правой, — вотъ такъ-такъ!

Тримъ-ти, тимъ-ти — безъ опаски,
Тримъ-тимъ-тимъ — кружись впередъ.
Что въ очки запряталъ глазки?
Развѣ я, топъ-топъ, уродъ?

Топъ-топъ-топъ,
Топъ-топъ-топъ...
Оботри платочкомъ лобъ.

---

*) Южно-русское названіе французской булки.

Я сегодня безъ обѣда
И не надо — ррри-ти-ти.
У тебя-то, буквоѣда,
Тоже денегъ не ахти?
Ну, и что-жъ —
Наживешь.
И со мной, топъ-топъ, пропьешь.

Думай, думай — не поможетъ!
Сорокъ бѣдъ — одинъ отвѣтъ:
Изъ больницы на рогожѣ
Стащатъ чорту на обѣдъ.
А пока,
Ха-ха-ха,
Не толкайся подъ бока!

Всѣ мы люди-человѣки . . .
Будемъ польку танцевать.
Даже нищіе-калѣки
Не желаютъ умирать.
Цокъ-цокъ-цокъ
Каблучокъ.
Что ты морщишься, дружокъ?

Ты-ли, я-ли — всѣмъ не сладко,
Знаю. котикъ, безъ тебя. .
Веселись же хоть украдкой —
Танцы — радость, книжки — бя.
Лимъ-тимъ-тись,
Берегись.
Думы къ чорту, скука — брысь!

СЛУЖБА СБОРОВЪ.

Начальникъ Акцептаціи сердитъ:
Нашелъ просчетъ въ копейку у Орлова.
Орловъ уныло бровью шевелитъ
И про себя бранится: „Ишь, бандитъ!“
Но изъ себя не выпуститъ ни слова.

Вокругъ сухой, костлявый, дробный трескъ, —
Какъ пальцы мертвецовъ, бряцаютъ счеты.
Начальнической плѣши строгій блескъ
Съ бычачьимъ лбомъ сливается въ гротескъ, —
Но у Орлова любоваться нѣтъ охоты.

Конторщикъ Кузькинъ безконечно радъ:
Орловъ на лѣстницѣ сказалъ его невѣстѣ,
Что Кузькинъ, какъ товарищъ,—хамъ и гадъ,
А какъ мужчина,—жаба и кастратъ...
Ахъ, можетъ быть, Орловъ лишится мѣста!

Въ сосѣднемъ отдѣленіи содомъ:
Три таксировщика, увлекшись чехардою,
Бодаютъ полъ. Четвертый же, съ трудомъ
Соблазнъ преодолѣвъ, съ досадой и стыдомъ
Имъ укоризненно киваетъ бородою.

Но въ корридорѣ тьма и тишина.
Подъ вѣшалкой таинственная пара —
Онъ руки растопырилъ, а Она
Щемящимъ голосомъ взываетъ: „Я жена...
И мужъ не вынесетъ подобнаго удара!"

По лѣстницамъ красавицы снуютъ,
Пышнѣе и вульгарнѣе гортензій.
Ихъ сослуживцы „фаворитками" зовутъ —
Онѣ не трудятся, не сѣютъ—только жнутъ.
Любимицы Начальника Претензій...

Въ буфетѣ чавкаютъ, жуютъ, сосутъ, мычатъ.
Берутъ пирожныя въ надеждѣ на прибавку.
Капуста и табакъ смѣсились въ ѣдкій чадъ.
Конторщицы ругаютъ шоколадъ
И бюстъ буфетчицы, дрожащій на прилавкѣ...

Второй этажъ. Дубовый кабинетъ.
Гигантскій столъ. Начальникъ Службы Сборовъ,
Поймавъ двухъ мухъ, покуда дѣла нѣтъ,
Пытается опредѣлить на свѣтъ,
Какого пола жертвы острыхъ взоровъ.

Внизу, въ прихожей, бывшій гимназистъ
Стоитъ передъ швейцаромъ безъ фуражки.
Швейцаръ откормленъ, грубъ и нерѣчистъ:
„Вѣдь грамотный, поди не трубочистъ!
„Нѣтъ мѣстъ"—вонъ на стѣнѣ виситъ бумажка".

ОКРАИНА ПЕТЕРБУРГА.

Время года неизвѣстно.
Мгла клубится пеленой.
Съ неба падаетъ отвѣсно
Мелкій бисеръ водяной.

Фонари горятъ, какъ бѣльма,
Липкій смрадъ нависъ кругомъ,
За рубашку вѣтеръ-шельма
Лѣзетъ острымъ холодкомъ.

Пьяный чуйка обнялъ нѣжно
Мокрый столбъ — и голоситъ.
Безконечно, безнадежно
Кислый дождикъ мороситъ...

Поливаетъ стѣны, крыши,
Землю, дрожки, лошадей.
Изъ ночной пивной все лише
Граммофонъ хрипитъ, злодѣй.

„Па-ца-луемъ дай забвенье!"
Прямо за сердце беретъ.
На панели тоже пѣнье:
Проститутку дворникъ бьетъ.

Брань и звуки заушенiй...
И на нихъ изъ всѣхъ дверей
Побѣжали свѣтотѣни
Жадныхъ къ зрѣлищу звѣрей.

Смѣхъ, совѣты, прибаутки.
Хлипкiй плачъ, свистки и вой —
Мчится къ бѣдной проституткѣ
Постовой городовой.

Увели... Темно и тихо.
Лишь въ ночной пивной вдали
Граммофонъ выводитъ лихо:
„Муки сердца утоли!"

НА ОТКРЫТІИ ВЫСТАВКИ.

Дамы въ шляпкахъ кэк-уокахъ,
Холодокъ публичныхъ глазъ,
Лица въ складкахъ и отекахъ,
Трэны, перья, ленты, газъ.
Въ незначительныхъ намекахъ
Штемпеля готовыхъ фразъ.

Кисло-сладкіе мужчины,
Знаменитости безъ лицъ,
Строятъ знающія мины,
Съ видомъ слушающихъ птицъ
Шевелюры клонятъ ницъ
И изслѣдуютъ причины.

На стѣнахъ упорный трудъ,
Вдохновенье и бездарность...
Пусть же мудрый и верблюдъ
Совершаютъ строгій судъ:
Отрицанье, благодарность
Или звонкій словоблудъ...

Умирающій больной.
Фіолетовыя свиньи.
Стая галокъ надъ копной.
Блюдо раковъ. Пьяный Ной.
Бюстъ молочницы Аксиньи,
И кобыла подъ сосной.

Вдохновенное Nocturno,
Рядомъ рыжій пиджачекъ,
Растопыренный надъ урной...
Дама смотритъ въ кулачекъ
И разсѣяннымъ: „недурно!"
Налѣпляетъ ярлычекъ.

Да? Недурно? Что?—Nocturno
Иль яичница-пиджакъ?
Генералъ вздыхаетъ бурно
И уводитъ даму. Такъ...
А сосѣдъ глядитъ въ кулакъ
И ругается цензурно...

ЖИЗНЬ.

У двухъ проститутокъ сидятъ гимназисты:
Дудиленко, Барсовъ и Блокъ.
На Машѣ — персидская шаль и монисто,
На Дашѣ — боа и платокъ.

Оплыли желѣзнодорожныя свѣчи.
Увлекшись азартнымъ банчкомъ,
Склоненныя головы, шеи и плечи
Слѣдятъ за чужимъ пятачкомъ.

Играютъ безъ шулерства. Хочется люто
Порой игроку сплутовать.
Да жутко! Въ мигъ съ хохотомъ бѣднаго плута
Засунутъ силкомъ подъ кровать.

Лежи, какъ въ берлогѣ, и съ завистью острой
Слѣди за игрой и вздыхай, —
А тамъ на заманчивой скатерти пестрой
Баранки, и карты, и чай...

Темнѣютъ уютными складками платья.
Двѣ дѣвичьихъ русыхъ косы.
Какъ будто безъ взрослыхъ здѣсь сестры и братья
Въ тиши коротаютъ часы.

Да только по стѣнкамъ висятъ офицеры...
Не много-ли ихъ для сестеръ?
На смятой подушкѣ бутылка мадеры,
И страшно затоптанъ коверъ.

Стукъ въ двери. „Ну, други, простите, къ намъ
гости!"
Дудиленко, Барсовъ и Блокъ
Встаютъ, торопясь, и безъ желчи и злости
Уходятъ готовить урокъ.

НА ВЕРБѢ.

Бородатые чуйки съ голодными глазами
Хрипло предлагаютъ „животрепещущихъ докторовъ“.
Гимназисты поводятъ бумажными усами,
Горничныя стрѣляютъ въ суконныхъ юнкеровъ.

Шаткіе лари, сколоченные наскоро,
Холернаго вида пряники и халва,
Грязь подъ ногами хлопаетъ такъ ласково,
И на плечахъ болтается чужая голова.

Червонныя рыбки изъ стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрятъ на толпу.
„Вотъ замѣчательные американскіе жители —
Глотаютъ камни и гвозди, какъ крупу!“

Писаря выражаются вдохновенно-изысканно,
Знакомятся съ модистками и переходятъ на ты,
Сгущенный воздухъ переполнился писками,
Кричатъ бирюзовые бумажные цвѣты.

Деревья вздрагиваютъ черными вѣтками,
Капли и бумажки падаютъ въ грязь.
Чужіе люди толкутся между клѣтками
И мѣсятъ ногами пеструю мазь.

ПАСХАЛЬНЫЙ ПЕРЕЗВОНЪ.

Панъ-пьянъ! Красныя яички.
Пьянъ-панъ! Красные носы.
Били-бьютъ! Радостныя личики.
Бьютъ-били! Груды колбасы.

Далъ-дамъ! Праздничныя взятки.
Дамъ-далъ! И этимъ, и тѣмъ.
Пили-ѣли! Визиты въ перчаткахъ.
Ѣли-пили! Водка и кремъ.

Панъ-пьянъ! Наливки и студни,
Пьянъ-панъ! Боль въ животѣ.
Били-бьютъ! И снова будни.
Бьютъ-били! Конецъ мечтѣ.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДАЧѢ.

Промокло небо и земля,
Душа и тѣло отсырѣли.
Съ утра до вечера скуля,
Циничный вѣтеръ лѣзетъ въ щели.
Дрожу, какъ мокрая овца . . .
И нѣтъ конца, и нѣтъ конца!

Не ѣмъ прекрасныхъ огурцовъ,
Съ тоской смотрю на землянику:
Вдругъ отойти въ страну отцовъ
Въ холерныхъ корчахъ—слишкомъ дико . . .
Самъ Мережковскій учитъ насъ,
Что смерть страшна, какъ папуасъ.

Ручьи сбѣгаютъ со стволовъ.
Городовой одѣлъ накидку.
Гурьба учащихсяословъ
Бѣжитъ за горничною Лидкой.
Собачья свадьба . . . Чахлый громъ.
И два спасенья: бромъ и ромъ.

На потолкѣ въ сырой тѣни
Уснули мухи. Сатанѣю . . .
Какой восторгъ въ такіе дни
Узнать, что шаху дали въ шею!
И только къ вечеру поймешь,
Что твой восторгъ — святая ложь . . .

Горитъ свѣча. Для счета дней
Срываю листикъ календарный —
Строфа изъ Бальмонта. Подъ ней:
„Борщокъ, шнель-клопсъ и муссъ янтарный".
Дрожу, какъ мокрая овца . . .
И нѣтъ конца, и нѣтъ конца!

НОЧНАЯ ПѢСНЯ ПЬЯНИЦЫ.

Темно...
Фонарь куда-то къ чорту убѣжалъ!
Вино
Качаетъ толстый мой фрегатъ, какъ въ шквалъ...
Въ потьмахъ
За телеграфный столбъ держусь рукой,
Но ахъ!
Нѣтъ вовсе сладу съ правою ногой, —
Она
Вокругъ меня танцуетъ—вотъ и вотъ...
Стѣна
Все время лѣзетъ прямо на животъ.
Свинья!!
Меня назвать свиньею? Ахъ, злодѣй!
Меня,
Который благороднѣй всѣхъ людей?!
Убью!
А, впрочемъ, милый малый, Богъ съ тобой.
Я пью,
Но такъ ужъ предназначено судьбой.

Ослабъ...
Дрожатъ мои колѣни—не могу!
Какъ рабъ,
Лежу на мостовой и ни гу-гу...
Реву...
Мнѣ нынче сорокъ лѣтъ—я нищъ и глупъ.
Въ траву
Заройте наспиртованный мой трупъ.
Въ ладьѣ
Уже къ чертямъ повезъ меня Харонъ...
Adieu!
Я сплю, я сплю, я сплю со всѣхъ сторонъ...

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА.

Профиль тоньше камеи,
Глаза, какъ спѣлыя сливы,
Шея бѣлѣе лилеи
И станъ, какъ у лэди Годивы.

Дѣву съ душою бездонной,
Какъ первая скрипка оркестра, —
Недаромъ прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришелъ къ мадоннѣ филологъ,
Ѳаддей Симеоновичъ Смяткинъ.
Разсказъ мой будетъ недологъ:
Филологъ влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
Въ глаза ея, губы и уши,
Цѣдилъ за фразою фразу,
Томился, какъ рыба на сушѣ.

Хотѣлось быть ея чашкой,
Братомъ ея или теткой,
Ея эмалевой пряжкой
И даже зубной ея щеткой!..

—Устали, Варвара Петровна?
О, какъ дрожатъ ваши ручки!
Шепнулъ филологъ любовно,
А въ сердце вонзились колючки.

„Устала. Вскрывала студента:
Трупъ былъ жирный и дряблый.
Холодъ... Сталь инструмента, —
Руки, конечно, иззябли.

Потомъ у Калинкина моста
Смотрѣла своихъ венеричекъ.
Устала: ихъ было до ста.
Что съ вами? Вы ищете спичекъ?

Спички лежатъ на окошкѣ.
Ну, вотъ. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затѣмъ, мнѣ съ подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потомъ... былъ скучный анализъ:
Выдѣленье въ мочѣ мочевины...

Ахъ, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла—
Коллега! Возьмите варенья,—,
Сама сегодня варила".

Ѳаддей Симеоновичъ Смяткинъ
Сказалъ беззвучно: „спасибо!
А въ горлѣ комъ кислосладкій
Бился, какъ въ неводѣ рыба.

Не хотѣлось быть ея чашкой,
Ни братомъ ея и ни теткой,
Ни ея эмалевой пряжкой,
Ни зубной ея щеткой!

ЛАБОРАНТЪ И МЕДИЧКИ.

I.

Онъ сидитъ среди ретортъ
И ругается, какъ чортъ:
„Грымзы! Кильки! Бабы! Совы!
Безголовы, безтолковы—
Іодомъ залили сюртукъ,
Не закрыли кранъ... Безъ рукъ!
Бьютъ стекло, жужжатъ, какъ осы...
А дурацкіе вопросы?
А погибшій матерьялъ?
О, какъ страшно я усталъ!“
Лаборантъ встаетъ со стула.
Въ уголокъ идетъ сутуло
И, издавъ щемящій стонъ,
Въ ротъ суетъ пирамидонъ.

II.

А на лѣстницѣ медички
Повторяли тѣ-же клички;
„Грымза! Килька! Баба! Франтъ!
Безголовый лаборантъ...
На невиннѣйшій вопросъ
Буркнетъ что-нибудь подъ носъ;
Придирается, какъ дама, —
Ядовито и упрямо,
Не проститъ пустой ошибки!
Ни привѣта, ни улыбки“...
Визгъ и пискъ. Блестятъ глазами.
Машутъ красными руками:
„О, несноснѣйшій педантъ,
Лаборашка, лаборантъ!“

III.

Часъ занятій. Шопотъ. Тишь.
Дѣвы гнутся, какъ камышъ,
Дѣвы всѣ ушли въ работы.
Гдѣ-же „грымзы“? гдѣ-же счеты?
Лаборантъ уже не левъ
И глядитъ бочкомъ на дѣвъ,
Какъ колибри на боа.
Дѣвы тоже трусятъ льва:
Очень страшно, очень жутко—
Оскандалиться—не шутка!
Свистъ горѣлокъ. Тишина.
Ноетъ муха у окна.
Гдѣ Юпитеръ? Гдѣ Минервы?
Нервы, нервы, нервы, нервы...

ВЪ ГОСТЯХЪ.

(Петербургъ.)

Холостой стаканчикъ чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стѣнѣ босой Толстой.
Добросовѣстно скучаю
И зеленую тоску
Заѣдаю колбасой.

Адвокатъ ведетъ съ коллегой
Спеціальный разговоръ.
Разорвись—а не поймешь!
А хозяйка съ томной нѣгой,
Устремивъ на лампу взоръ,
Поправляетъ бюстъ и брошь.

„Прочитали Метерлинка?"
— Да. Спасибо, прочиталъ...
„О, какая красота!"
И хозяйкина ботинка
Взволновалась, словно въ шквалъ.
Лжетъ ботинка, лгутъ уста...

У рояля дочь въ реформ'Ѣ,
Взявъ разсѣянно аккордъ,
Стилизованно молчитъ.
Старичекъ въ военной формѣ
Прежде всѣхъ побилъ рекордъ—
За экранъ залѣзъ и спитъ.

Толстый докторъ по ошибкѣ
Жметъ мнѣ ногу подъ столомъ.
Я страдаю и терплю.
Инженеръ зудитъ на скрипкѣ.
Примирясь и съ этимъ зломъ,
Я и бодрствую, и сплю.

Что бы вслухъ сказать такое?
Ну-ка, опытъ, выручай!
„Попрошу... еще стаканъ"...
Ѣмъ вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, какъ истуканъ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Въ трамваѣ, набитомъ биткомъ,
Средь двухъ гимназистокъ, бочкомъ,
Сижу въ настроеньи прекрасномъ.

Панама сползаетъ на лобъ.
Я—адски плѣнительный снобъ,
Въ накидкѣ и въ галстухѣ красномъ.

Пассажъ не спѣша осмотрѣвъ,
Вхожу къ Доминику, какъ левъ,
Пью портеръ, малагу и виски.

По картѣ съ достоинствомъ ѣмъ
Сосиски въ томатѣ и кремъ,
Пулярдку и снова сосиски.

Раздуло утробу копной...
Сановный швейцаръ предо мной
Толкаетъ безшумныя двери.

Умаявшись, сытъ и сонливъ,
И руки въ штаны заложивъ,
Сижу въ Александровскомъ скверѣ.

Гдѣ-бъ вечеръ сегодня убить?
Въ Акваріумъ, что-ли, сходить,
Иль, можетъ-быть, къ Мэри слетаю?

Въ раздумьи на мамокъ смотрю,
Вздыхаю, зѣваю, курю,
И „Новое Время“ читаю...

Шварцъ, Персія, Турція... Чушь!
Разносчикъ! Десяточекъ грушъ...
Какія прекрасныя грушки!

А завтра въ двѣнадцать часовъ
На службу явиться готовъ,
Чертить на листахъ завитушки.

Однако: безъ четверти шесть.
Пойду-ка къ „Медвѣдю“ поѣсть,
А послѣ—за галстухомъ къ Кнопу.

Ну, какъ въ Петербургѣ не жить?
Ну, какъ Петербургъ не любить,
Какъ русскій намекъ на Европу?

МУХИ.

На дачной скрипучей верандѣ
Весь вечеръ царитъ оживленье.
Къ глазастой художницѣ Вандѣ
Случайно сползлись въ воскресенье
Провизоръ, курсистка, пѣвица,
Писатель, дантистъ и дѣвица.

„Хотите вина иль варенья?“
Спросила писателя Ванда,
Подумавъ въ жестокомъ смущеньи:
„Налѣзла огромная банда!
Пожалуй, на столько барановъ
Не хватитъ ножей и стакановъ“.

Курсистка упорно жевала.
Косясь на остатки отъ торта,
Рѣшила спокойно и вяло:
„Буржуйка послѣдняго сорта!“
Дѣвица съ азартомъ макаки
Смотрѣла писателю въ баки.

Писатель, за дверью, на полкѣ
Не видя своихъ сочиненій,
Подумалъ привычно и колко:
„Отсталость!“ И сталъ въ отдаленьи,
Засунувши гордыя руки
Въ триковыя стильныя брюки.

Провизоръ, влюбленный и потный,
Изслѣдовалъ шею хозяйки,
Мечтая въ истомѣ дремотной:
„Ей Богу! Совсѣмъ какъ изъ лайки...
О, если-бъ немножко потрогать!“
И вилкою чистилъ свой ноготь.

Пѣвица пускала рулады
Все рѣже, и рѣже, и рѣже.
Потомъ, покраснѣвъ отъ досады,
Замолкла: „Не просятъ! Невѣжи...
Мѣщане безъ вкуса и чувства!
Для нихъ ли святое искусство?“

Наѣлись. Спустились съ веранды
Къ измученной пыльной сирени.
Въ глазахъ умирающей Ванды
Любезность, тоска и презрѣнье —
„Свести ихъ къ пруду иль въ бесѣдку,
Спустить ли съ веревки Валетку“?

Усѣлись подъ старой сосною.
Писатель сказалъ: „Какъ въ романѣ“...
Дѣвица вильнула спиною,
Провизоръ порылся въ карманѣ
И чиркнулъ надъ кислой пѣвичкой
Бенгальскою красною спичкой.

КУХНЯ.

Тихо тикаютъ часы.
На картонномъ циферблатѣ
Вязь изъ розочекъ въ томатѣ
И зеленые усы.

Возлѣ раковины щель
Вся набита прусаками,
Подъ иконой ларь съ дровами
И двугорбая постель.

Надъ постелью бывшій шахъ,
Рамки въ ракушкахъ и бусахъ, —
Въ рамкахъ чучела въ бурнусахъ
И солдаты при часахъ.

Чайникъ ноетъ и плюетъ.
На окнѣ обрывокъ книжки:
„Фаршированныя пышки",
„Шведскій яблочный компотъ".

Пахнетъ мыльною водой,
Старымъ саломъ и угаромъ.
На полу предъ самоваромъ
Котъ сидитъ, какъ неживой.

Пусто въ кухнѣ. Тикъ-да-такъ.
А за дверью на площадкѣ
Кто-то пьяненькій и сладкій
Ноетъ: „Дарья, четвер-такъ!"

III

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХЪ

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОДНОГО СТАРАГО РАЗГОВОРА.

Книгопродавецъ.

Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.

(„Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ".
Пушкинъ).

Читатель.

Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ:
Притомъ — сказать-ли по секрету?
И въ рифмахъ часто недочетъ.

(„Журналистъ, читатель и писатель".
Лермонтовъ).

Гражданинъ.

Будь гражданинъ. Служа искусству
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

(„Поэтъ и гражданинъ".
Некрасовъ).

(Отдѣльный кабинетъ. Писатель, читатель, критикъ и издатель).

Критикъ.

Антрактъ... Одинъ сплошной антрактъ.
Но унывать нельзя однако.
Отливъ — передъ приливомъ. Фактъ!
Вновь солнце выглянетъ изъ мрака...
Примѣтъ не мало, господа,
Всѣмъ надоѣли выкрутасы,
И даже „рыжіе“ саврасы
Сошли, какъ грязная вода.
Плачъ у разбитаго корыта
Уже не трогаетъ сердецъ.
Пусть бытъ... Но отчего-жъ изъ быта
Брать только зло за образецъ?
Все больше грамотныхъ у насъ,
Все крѣпнетъ жажда бодрой пищи,
А нашъ изысканный Парнасъ
Заросъ репьемъ по голенище...
Потребность въ геніи ясна, —
А если такъ, то несомнѣнно
Придетъ, гремя оружьемъ, смѣна,
И будетъ вновь у насъ весна!

Писатель.

Что-жъ... Вамъ, почтеннѣйшей гадалкѣ,
И карты въ руки. Очень радъ!
Пусть геніальный мой собратъ
Скорѣй придетъ. Вы только палки
Не суйте, другъ, промежъ колесъ.
Законъ ли генію вашъ спросъ?
Вдругъ не захочетъ пѣть онъ бодро:
Вѣдь вы тогда съ него по бедра
Сдерете кожу! Между прочимъ,
И вамъ мы, сударь, напророчимъ.
Боюсь, чтобъ вамъ, судья суровый,
Не прозѣвать его приходъ!
Вотъ развѣ геній — критикъ новый
Придетъ съ нимъ вмѣстѣ въ свой чередъ...
Алло?

Критикъ (холодно, съ достоинствомъ)
Благодарю покорно.

Читатель.

Мнѣ примирить нетрудно васъ:
Нѣтъ Достоевскихъ, но безспорно
Бѣлинскихъ тоже нѣтъ сейчасъ.
Хотя не мало...

Писатель (перебиваетъ).

Что не мало?
Монбланы были и прошли,
А ты все такъ же бродишь вяло
По грязной ярмаркѣ земли.
Что-жъ, вкусъ твой выросъ? Сердце шире?
Богаче мысль? Духъ сталъ безъ шоръ?
И вообще — къ чему въ трактирѣ
Литературный разговоръ?
Патронъ, налейте...

Издатель (игриво).

За манишку?
Ха-ха! Что спорить? Я дѣлецъ,
Читатель покупаетъ книжку,
Писатель пишетъ, и конецъ.
Но я немножко тоже значу.
Чуть-чуть! Я говорю — чуть-чуть...
Кто снаряжаетъ всѣхъ васъ въ путь?
Кто финансируетъ удачу?
Успѣхъ — вотъ штука! Геній — хламъ.
Сознайтесь, господинъ писатель,
Не я-ль, вашъ опытный издатель,
Такое имя сдѣлалъ вамъ?

Писатель.

Вотъ говорящій кошелекъ!
Да, сознаюсь... Но... гдѣ же водка?...
А до сихъ поръ я думалъ кротко,
Что имя плодъ моихъ лишь строкъ...
Прозрѣлъ.

Издатель.

Не злитесь, мой красавецъ!
Давно прошли тѣ времена-съ,
Когда, пробравшись на Парнасъ,
Ждалъ въ уголкѣ книгопродавецъ.
Приди сюда хоть самъ вашъ Фетъ —
И въ свой журналъ „Всего по многу"
Я закажу ему, ей Богу,
Въ сто строкъ рождественскій сонетъ!

Критикъ (дѣловито).

Четырнадцать лишь строкъ въ сонетѣ.

Издатель.

Пускай четырнадцать! Плевать!
Ого! Ужъ часъ. Прощайте, дѣти!
На вернисажъ не опоздать...
Тамъ мой портретъ. Работа — сонъ!
Одна лишь рама стоитъ двѣсти.
Что здѣсь торчать? Пошли бы вмѣстѣ?
А? Не хотите? Миль пардонъ!
(Не безъ граціи уходитъ).

Писатель.

Видали? Вотъ онъ — демонъ мой,
Мой меценатъ и искуситель,
Заказчикъ мой глухонѣмой,
Сезонныхъ вкусовъ утвердитель . . .
Кто имъ не скупленъ на корню?
И кто къ очередному дню
Его „Еженедѣльныхъ Вздоровъ"
Новеллъ не пишетъ для шоферовъ?
Онъ клеитъ сотни альманаховъ,
Объединяя ихъ . . . рублемъ.
Безъ рукъ, безъ глазъ, съ душой - нулемъ
Онъ самовластнѣй падишаховъ!
Онъ залилъ хламомъ дѣтскій рынокъ,
Родилъ „анкеты о бѣльѣ",
Придумалъ конкурсы картинокъ
На тему „Драма въ ателье".
Онъ, какъ экспертъ въ литературкѣ,
Сидитъ средь тетокъ и друзей
И всѣ маститые окурки
Покорно тащитъ въ свой музей . . .
Онъ издаетъ, какъ каталоги,
Стихи о нѣжномъ и святомъ . . .
И я предъ нимъ . . . дрожу въ тревогѣ,
Чтобъ къ сроку сдать свой новый томъ . . .

Критикъ.

Коллега, вы сгустили краски.
Что говорить — капитализмъ
Родилъ рекламу и цинизмъ
И музу нарядилъ въ подвязки.
Но чѣмъ издатель виноватъ?
Онъ только рабъ условій вѣка.
Нелѣпо ждать вѣдь, чтобъ отъ чека
Струился тонкій ароматъ.
Въ универсальномъ магазинѣ
Должно быть все на всякій вкусъ.
А „Спальня вѣтреной графини"
Всегда для рынка вѣрный плюсъ.
Въ обложкѣ пестрой суррогатъ
Идетъ бойчѣй оригинала.
Тотъ Мопассана гонитъ въ сало,
Тотъ шьетъ изъ лейкинскихъ заплатъ . . .
Боритесь! Будьте лишь собой —
Смѣшно глодать чужія кости.
Смотрите, съ запада гурьбой
Идутъ нарядн ѣйшіе гости.
Пусть бытъ ихъ чуждъ, пусть рѣчь нова —
Мы всѣ на новое вѣдь падки.
А вы, какъ нищая вдова,
Распродаете лишь остатки . . .
Боритесь, чертъ васъ побери!
Для зоркихъ глазъ все ново въ мірѣ,
Иль загасите фонари
И . . .

Писатель (зѣвая).

Дважды два — четыре.

Читатель.

Позвольте мнѣ сказать два слова.
Вы такъ отдѣлали сурово
Того, кто васъ распродаетъ...
Но вы то сами кто? Илотъ?
Не соблазненная-жъ купцомъ
Вы институтка въ самомъ дѣлѣ?
Вы тоже стали продавцомъ
И растеряли вкусъ и цѣли.
Спеціалисты по попамъ,
Альковамъ, страхамъ и скелетамъ,
Вы по налаженнымъ тропамъ
Гарцуете зимой и лѣтомъ.
Легко! Сто разъ себѣ самимъ
Вы подражаете убого, —
А если смыть манерный гримъ —
Что тамъ останется? Немного...

Критикъ.

Ну, не совсѣмъ...

Читатель.

Не въ этомъ суть!
Но кто же, господинъ писатель,
Опредѣлилъ вашъ новый путь?
Вы сами? Общество? Издатель?
Для васъ сейчасъ любой успѣхъ,
Какъ доппингъ для усталой клячи...
Зачѣмъ торгуетесь при всѣхъ —
Чей „измъ" умнѣе и богаче?
Въ недѣлю изводя стопу,
Привыкли вы мѣнять двѣ маски:
Во вторникъ презирать толпу,
А въ пятницу ей строить глазки...
Въ тупой анкетѣ „о мозолѣ"
И ваше мнѣнье мы найдемъ,
Въ кинематографѣ съ моржемъ
Снимались вы по доброй волѣ...
Да не одинъ кинематографъ!
Я не могу пойти въ кабакъ,
Чтобъ со стѣны, какъ вѣщій знакъ,
Не угрожалъ мнѣ вашъ автографъ...
Поймите... Надо уважать
Хотя кого-нибудь на свѣтѣ.
Я васъ любилъ...

Писатель (брезгливо).

Да, на жилетѣ
Ты любишь, другъ мой, порыдать.
Будь проклятъ ты съ такой любовью!
Устану-ль я иль вдругъ споткнусь, —
Ты первый всякому злословью,
Какъ прачка, вѣришь, милый гусь . . .
Ты будешь пить, служить въ акцизѣ
И развивать игриво прыть, —
А я обязанъ, въ свѣтлой ризѣ,
Голодный надъ тобой парить . . .
Не ты-ль, пріятель, Льва Толстого
На Джека Лондона смѣнилъ?
Кто „интереснѣй", — тотъ и милъ.
Къ чему кроту вершины слова?
Увы, грѣшна моя душа, —
Но предъ собой одной и только, —
Что я порой не гимнъ, а польку
Спѣша писалъ изъ-за гроша.
Да, я толкался въ ресторанахъ
И бисеръ улицѣ бросалъ,
Но по музеямъ на Діанахъ
Не я автографы писалъ.
А ты! Что сдѣлалъ ты на свѣтѣ?
Родилъ собачій, затхлый бытъ
И, пріучивши спину къ плети,
Охотно ѣлъ изъ всѣхъ корытъ.
Проблемъ не стало для тебя:
Расковырялъ, зѣвнулъ — и къ черту!
Чтобъ чѣмъ-нибудь развлечь себя,
Ты къ книгамъ подходилъ, какъ къ торту . . .
Не ты-ль виной, шальная муха,

Что даже слово „гражданинъ“
Сейчасъ такъ дико рѣжетъ ухо,
Какъ старомодный „райскій кринъ?“
Но будетъ. Брысь... А вы, мой критикъ,
Что̀ въ потѣ вялаго лица,
Какъ прогрессивный паралитикъ,
Меня жуете безъ конца?
Вы помогли мнѣ разобраться
Въ себѣ самомъ? Когда и чѣмъ?
Пересказать, сравнить, придраться,
Поставить баллъ — и все. Зачѣмъ?
Какіе общіе вопросы
Вы подымаете сейчасъ?
Все тѣ-же шпильки, брань, разносы
И генеральскій зычный басъ.
Кого вы во-время узнали?
Не вамъ, сидящимъ у дорогъ,
Провидѣть за туманомъ дали!
Дай Богъ кой-какъ свести итогъ...
Парнасскій прѣсный регистраторъ
И юбилейный декламаторъ
Безъ вдохновенья и огня —
Не вамъ, мой другъ, судить меня!
Но впрочемъ — точка. Извините.
Шумитъ въ башкѣ. И пусть. Плевать!
Я лишь хотѣлъ въ чаду событій
Чуть-чуть нашъ узелъ развязать,
Чтобъ на мои одни лишь плечи
Не клали сдуру весь багажъ...
Всѣ хороши! Эй, человѣче,
Что-жъ счетъ?... Пойдемъ на вернисажъ...

(Всѣ подымаются и уходятъ).

ВЪ РЕДАКЦІИ ТОЛСТАГО ЖУРНАЛА.

Серьезныхъ лицъ густая волосатость
И двухпудовыя, свинцовыя слова:
„Позитивизмъ“, „идейная предвзятость“,
„Централизація“, „реальныя права“...

Жестикулируя, бурля и споря,
Киты редакціи не видятъ двухъ персонъ:
Поэтъ принесъ — „Ночную пѣсню моря“,
А беллетристъ — „Послѣдній дѣтскій сонъ“.

Поэтъ присѣлъ на самый кончикъ стула
И вверхъ ногами развернулъ журналъ,
А беллетристъ, покорно и сутуло,
У подоконника на чьи-то ноги сталъ.

Обносятъ чай... Поэтъ взялъ два стакана,
А беллетристъ не взялъ ни одного.
Въ волнахъ серьезнаго табачнаго тумана
Они уже не ищутъ ничего.

Вдругъ беллетристъ, какъ леопардъ, въ поэта
Метнулъ глаза: „Прозаикъ или нѣтъ?“
Поэтъ и самъ давно искалъ отвѣта:
„Судя по галстуху, похоже, что поэтъ“...

Подходитъ нѣкто въ сѣромъ, — но по модѣ,
И говоритъ поэту: „Плачъ земли?“...
— Нѣтъ, я вамъ далъ три „Пѣсни о восходѣ“.
И нѣкто отвѣчаетъ: „Не пошли!“.

Поэтъ поникъ. Поэтъ исполненъ горя:
Онъ думалъ изъ „Восходовъ“ сшить штаны!
— „Вотъ здѣсь еще „Ночная пѣсня моря“.
А здѣсь — „Дыханье сѣверной весны“.

„Не надо, — отвѣчаетъ нѣкто въ сѣромъ:
У насъ лежитъ сто весенъ и морей“.
Душа поэта затянулась флеромъ,
И розы превратились въ сельдерей.

„Вамъ что?“ И беллетристъ скороговоркой:
— „Я годъ назадъ прислалъ „Ея любовь“.
Отвѣтили, пошаривши въ конторкѣ:
„Затеряна. Перепишите вновь“.

— „А вотъ, не надо-ль?... Беллетристъ запнулся:
Здѣсь... семь листовъ — „Послѣдній дѣтскій сонъ“.
Но нѣкто въ сѣромъ круто обернулся —
Въ сосѣдней комнатѣ залаялъ телефонъ.

Чрезъ полчаса, прійдя отъ телефона,
Онъ, разумѣется, бѣднягу не узналъ
И, проходя, лишь буркнулъ раздраженно:
„Не принято! Вѣдь я уже сказалъ“...

На улицѣ сморкался дождь слюнявый.
Смеркалось... Вѣтеръ. Тусклый, дальній гулъ.
Поэтъ съ „Ночною пѣсней“ взялъ направо,
А беллетристъ налѣво повернулъ.

Счастливый случай скупъ и черствъ, какъ Плюшкинъ,
Два жемчуга — опять на мостовой...
Ахъ, можетъ быть, поэтъ былъ новый Пушкинъ,
А беллетристъ былъ новый Левъ Толстой?!

Бей, вѣтеръ, ихъ въ лицо, дуй за сорочку —
Надуй имъ жабу, тифъ и дифтеритъ!
Пускай не продаютъ души въ разсрочку,
Пускай душа ихъ безъ штановъ паритъ...

„СМѢХЪ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ".

(1809—1909).

Ахъ, милый Николай Васильичъ Гоголь!
Когда-бъ сейчасъ изъ гроба встать ты могъ, —
Любой прыщавый, декадентскій щеголь
Сказалъ бы: „Э, какой онъ, къ чорту, богъ?
Зналъ бытъ, владѣлъ перомъ, страдалъ. Какая рѣдкость!
А стиль, напѣвность, а прозрѣнія печать,
А темно-звонкихъ словъ изысканная мѣткость?...
Нѣтъ, старичекъ... Ложитесь въ гробъ опять!"

Естъ между ними, правда, и такіе,
Что дерзко отъ тебя ведутъ свой тусклый родъ
И, лицемѣрно предъ тобой согнувши выи,
Мечтаютъ сладенько: „прійдетъ и мой чередъ!"
Но отъ такихъ „своихъ", дешевыхъ и развязныхъ,
Удралъ бы ты, какъ Подколесинъ, чрезъ окно...
Царятъ: Богъ ихъ прости, больныхъ, пустыхъ и грязныхъ,
А намъ они наскучили давно.

Пусть ихъ шумятъ... Но гдѣ твои герои?
Все живы-ли, иль, небо прокоптивъ,
Въ углахъ медвѣжьихъ сгнили на покоѣ
Подъ сѣнью благостной крестьянскихъ тучныхъ нивъ?
Живутъ... И какъ живутъ! Ты, вставъ сейчасъ изъ гроба,
Ни одного изъ нихъ навѣрно бъ не узналъ:
Павлуша Чичиковъ — сановная особа
И въ интендантствѣ патріотомъ сталъ, —

На мертвыхъ душъ портянки поставляетъ
(Живымъ окѣ, пожалуй, ни къ чему).
Маниловъ въ Третьей Думѣ засѣдаетъ
И въ предсѣдатели былъ избранъ... по уму.
Петрушка съ дуру сдѣлался поэтомъ
И что-то мажетъ въ „Золотомъ Руномъ“,
Ноздревъ пошелъ въ охранное — и въ этомъ
Нашелъ свое призваніе вполнѣ.

Поручикъ Пироговъ съ успѣхомъ служитъ въ Ялтѣ
И самъ сапожниковъ по праздникамъ сѣчетъ,
Чубъ сталъ союзникомъ и объ еврейскомъ гвалтѣ
Съ большою эрудиціей поетъ.
Жанъ Хлестаковъ работаетъ въ „Россіи“,
Затѣмъ — въ „Освѣдомительномъ Бюро“,
Гдѣ чувствуетъ себя совсѣмъ въ родной стихіи:
Разжился, раздобрѣлъ — вотъ борзое перо!...

Одни лишь черти, Вій, да вѣдьмы и русалки,
Попавши въ плѣнъ къ писателямъ modernes,
Зачахли, выдохлись и стали страшно жалки,
Истасканные блудомъ мелкихъ скверновъ...

Ахъ, милый Николай Васильичъ Гоголь!
Какъ хорошо, что ты не можешь встать...
Но мы живемъ. Боюсь — не слишкомъ много-ль
Намъ надо слышать, видѣть и молчать?

И въ праздникъ твой, въ твой праздникъ благо-
родный,
Съ глубокой горечью хочу тебѣ сказать:
— Ты былъ для насъ источникъ многоводный,
И мы къ тебѣ пришли теперь опять, —
Но „смѣхъ сквозь слезы“ радостью усталой
Не зазвенитъ твоимъ струнамъ въ отвѣтъ...
Увы, увы... Слезъ болѣе не стало,
И смѣха нѣтъ.

СТИЛИЗОВАННЫЙ ОСЕЛЪ.

(Арія для безголосыхъ).

Голова моя — темный фонарь съ перебитыми стеклами,
Съ четырехъ сторонъ открытый враждебнымъ вѣтрамъ.
По ночамъ я шатаюсь съ распутными пьяными Θеклами,
По утрамъ я хожу къ докторамъ.
Тарарамъ.

Я — волдырь на сидѣньи прекрасной россійской словесности,
Разрази меня громъ на четыреста восемь частей!
Оголюсь и добьюсь скандалезно-всемірной извѣстности,
И усядусь, какъ нищій-слѣпецъ, на распутьи путей.

Я люблю апельсины и все, что случайно рифмуется,
У меня темпераментъ макаки и нервы, какъ сталь.
Пусть любой старомодникъ изъ зависти злится и дуется
И вопитъ: „не поэзія — шваль!“

Врешь! Я прыщъ на извѣчномъ сидѣньи поэзіи,
Глянцевито-багровый напѣвно-коралловый прыщъ,
Прыщъ съ головкой бѣлѣе несказанно-жженной магнезіи
И галантно-развязно-манерно изломанный хлыщъ.

Ахъ, словесные, тонкіе-звонкіе фокусы-покусы!
Заклюю, забрыкаю, за локоть себя укушу.
Кто не понялъ — невѣжда. Къ нечистому! накося—
выкуси.
Презираю толпу. Попишу? Попишу, попишу...

Попишу животомъ, и ноздрей, и ногами, и пятками.
Двухкопеечнымъ мыслямъ придамъ сумасшедшій
размахъ,
Зарифмую все это для стиля яичными смятками
И пойду по панели, пойду на безстыжихъ рукахъ...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковскихъ лѣтъ.
А онъ былъ просто повѣса —
Курчавый и пылкій брюнетъ.

Повѣса пришелъ къ поэтессѣ,
Въ полумракѣ дышали духи,
На софѣ, какъ въ торжественной мессѣ,
Поэтесса гнусила стихи:

„О, сумѣй огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
Къ пѣнѣ бедеръ за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!“

„Я свѣжа, какъ дыханье левкоя...
О, сплетемъ же истомности тѣлъ!“
Продолженіе было такое,
Что курчавый брюнетъ покраснѣлъ.

Покраснѣлъ, но оправился быстро
И подумалъ: была не была!
Здѣсь не думскія рѣчи министра,
Не слова здѣсь нужны, а дѣла...

Съ несдержанной силой кентавра
Поэтессу повѣса привлекъ.
Но визгливо-вульгарное: „Мавра!!“
Охладило кипучій потокъ.

„Простите“... — вскочилъ онъ, — „Вы сами“...
Но въ глазахъ ея холодъ и честь:
„Вы смѣли къ порядочной дамѣ,
Какъ дворникъ, съ объятьями лѣзть?!

Вотъ чинная Мавра. И задомъ
Уходитъ испуганный гость.
Въ передней растерянымъ взглядомъ
Онъ долго искалъ свою трость...

Съ лицомъ бѣлѣе магнезіи
Шелъ съ лѣстницы пылкій брюнетъ:
Не понялъ онъ новой поэзіи
Поэтессы бальзаковскихъ лѣтъ.

ПЕРЕУТОМЛЕНІЕ.

(Посв. исписавшимся „популярностямъ".)

Я похожъ на родильницу,
Я готовъ скрежетать...
Проклинаю чернильницу
И чернильницы мать!

Патлы дыбомъ взлохмачены,
Отупѣлъ, какъ овца —
Ахъ, всѣ риѳмы истрачены
До конца, до конца!..

Мнѣ, правда, нечего сказать, сегодня, какъ всегда,
Но этимъ не былъ я смущенъ, повѣрьте, никогда —
Рожалъ словечки и слова, и риѳмы къ нимъ рожалъ
И въ жизнерадостныхъ стихахъ, какъ жеребенокъ
ржалъ.

Параличъ спинного мозга?
Врешь, не сдамся! Пень-мигрень,
Бебель-стебель, мозга-розга,
Юбка-губка, тѣнь-тюлень.

Риѳму, риѳму! Изсякаю —
Къ риѳмѣ тему самъ найду...
Ногти въ бѣшенствѣ кусаю
И въ безсильномъ трансѣ жду.

Изсякъ. Что будетъ съ моею популярностью,
Изсякъ. Что будетъ съ моимъ кошелькомъ?
Назоветъ меня Пильскій дешевой бездарностью,
А Ваксъ Калошинъ разбитымъ горшкомъ...

Нѣтъ, не сдамся... Папа-мама,
Дратва-жатва, кровь-любовь,
Драма-рама-панорама,
Бровь, свекровь, морковь... носки!

ДВА ТОЛКА.

Одни кричатъ: „Что форма? Пустяки!
Когда въ хрусталь налить навозной жижи —
Не станетъ ли хрусталь безмѣрно ниже?

Другіе возражаютъ: „Дураки!
И лучшаго вина въ ночномъ сосудѣ
Не станутъ пить порядочные люди".

Имъ спора не рѣшить... А жаль!
Вѣдь можно наливать вино... въ хрусталь.

НЕТЕРПѢЛИВОМУ.

Не ной... Толпа тебя, какъ сводня,
Къ успѣху жирному толкнетъ,
И въ пасть разсчетливыхъ тенетъ
Ты залучишь свое сегодня.

Но знай одно — успѣхъ не шутка:
Сейчасъ же предъявляетъ счетъ.
Не заплатилъ, — какъ проститутка,
Не доночуетъ и уйдетъ.

НЕДЕРЖАНІЕ.

У поэта умерла жена...
Онъ ее любилъ сильнѣе гонорара!
Скорбь его была безумна и страшна, —
Но поэтъ не умеръ отъ удара.

Послѣ похоронъ сѣлъ дома у окна,
Весь охваченъ новымъ впечатлѣньемъ
И, спѣша, родилъ стихотворенье:
„У поэта умерла жена".

СИРОПЧИКЪ.

(Дамамъ, чирикающимъ въ дѣтскихъ журналахъ).

Дама, качаясь на вѣткѣ,
Пикала: „Милыя дѣтки!
Солнышко чмокнуло кустикъ...
Птичка оправила бюстикъ
И, обнимая ромашку,
Кушаетъ манную кашку..."

Дѣтки, въ оконныя рамы
Хмуро уставясь глазами,
Полны недѣтской печали,
Дамѣ въ молчаньи внимали.
Вдругъ зазвенѣлъ голосочекъ:
„Сколько напикала строчекъ?.."

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ АРТЕЛЬ.

Всѣ мозольные операторы,
Прогорѣвшіе рестораторы,
Остряки паспортисты,
Шато-куплетисты и билліардъ-оптимисты
Валомъ пошли въ юмористы.
Сторонись!

Заказали обложки съ макаками,
Начинили ихъ сорными злаками:
Анекдотами длинно-зѣвотными,
Остротами скотными,
Зубоскальствомъ
И просто нахальствомъ.
Здравствуй, юморъ россійскій,
Суррогатъ подъ-англійскій!
Галерка похлопаетъ,
Улица слопаетъ...
Остальное — не важно.

Разъ-разъ!
Въ четыре странички разсказъ, —
Пожалуйста, смѣйтесь:
Сюжетъ изъ пальца,
Немножко сальца,
Психологія рачья,
Радость телячья,
Штандартъ скачетъ,
Лейкинъ въ могилѣ плачетъ:
Обокрали, каналыи!

Самое время для ржанья!
Небо, песокъ и вода,
Посреди — улюлюканье травли...
Опостыли исканья,
Павлы полѣзли въ Савлы,
Страданье прокисло въ нытье,
Безрыбье — въ безрачье...
Положенье собачье!
Чѣмъ наполнить житье?
Среднимъ давно надоѣли
Какія-то (чорта-ль въ нихъ?) цѣли.
Нельзя-ли попроще: театръ въ балаганъ,
Литературу въ канканъ.
Ры-нокъ тре-бу-етъ смѣ-ха!

Съ пылу, съ жару,
Своя реклама,
Побольше гама
(Вдругъ спросъ упадетъ!),
Пятакъ за пару, —
Держись за животъ:
Пародіи на пародіи,
Чревоугодіе,
Комическій случай въ Батумѣ,
Самоубійство и Дума,
Случай въ спальнѣ
Во вкусѣ солдатской швальни,
Случай съ пьянымъ въ Калугѣ,
Измѣна супруги,
Самоубійство и Дума...

А жалко: юморъ прекрасенъ —
Крыловскихъ-ли басенъ,
Иль Чеховскихъ „Пестрыхъ разсказовъ“,
Гдѣ строки, какъ нити алмазовъ,
Гдѣ нѣтъ искусства смѣшить
До потери мысли и чувства,
Гдѣ есть... просто искусство
Въ драгоцѣнной оправѣ изъ смѣха.
Акулы успѣха!
Осмѣлюсь спросить —
Что вы нанизали на нить?
Картонныхъ паяцовъ. Потянешь — смѣшно,
Потомъ надоѣстъ — за окно.
Ахъ, скоро будетъ тошнить
Отъ самаго слова „юморъ“!..

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ОДНОГО „ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА".

Мы культурны: чистимъ зубы,
Ротъ и оба сапога.
Въ письмахъ вѣжливы сугубо:
„Вашъ покорнѣйшій слуга".
Отчего-жъ при всякомъ спорѣ,
Доведенномъ до конца, —
Вмѣсто умнаго отпора
Мы съ безсиліемъ глупца,
Подражая папуасамъ,
Бьемъ другъ друга по мордасамъ?
Бьемъ, конечно, языкомъ, —
Но больнѣй, чѣмъ кулакомъ...

КОРНѢЙ БѢЛИНСКІЙ.

(Посвящается К. Чуковскому).

Въ экзотикѣ заглавій полъ-успѣха.
Пусть въ ноздри бьетъ за тысячу шаговъ:
„Корявый буйволъ", „Окуни безъ мѣха",
„Семенъ Юшкевичъ и охапка дровъ".

Закрывъ глаза и перышкомъ играя,
Впадая въ дѣланный холодно-мутный трансъ,
Сѣдлаетъ линію... Ее зовутъ — кривая,
Она вывозитъ и блюдетъ балансъ.

Начало? Гмъ... Тарасъ убилъ Андрея
Не за измѣну Сѣчи... Разъ, два, три!
Но потому, что ксендзъ и два еврея
Держали съ нимъ на сей предметъ пари.

Вѣдь ново! Что-съ? Акробатично-ново!
Затѣмъ — смѣшокъ. Стежокъ. Опять смѣшокъ.
И вотъ — плоды случайнаго улова —
На бѣлыхъ ниткахъ пляшетъ сотня строкъ.

Что дальше? Гмъ... Приступитъ къ данной книжкѣ
Опредѣлитъ, что авторъ... мыловаръ,
И такъ смѣшно раздуетъ мелочишки,
Что со страницъ пойдетъ казанскій паръ.

Страница третья. Пятая. Шестая" ...
На сто шестнадцатой — „собака" черезъ ять!
Какъ можно лѣтомъ на стеклѣ, скучая,
Духъ двадцать, размахнувшись, въ горсть поймать.

Надравши „стружекъ" — кстати и некстати —
Потопчется еще съ полсотни строкъ:
Го выѣдетъ на англійской цитатѣ,
Го съ реверансомъ автору дастъ въ бокъ.

Кустаритъ парадоксъ изъ парадокса...
Холодный пафосъ недомолвокъ — голъ,
А хитрый гнѣвъ критическаго бокса
Все рвется въ истерическій футболъ...

И, наконецъ, когда мелькнетъ надежда,
Что онъ сейчасъ поймаетъ журавля,
Онъ вдругъ смущенно потупляетъ вѣжды
И торопливо... сходитъ съ корабля.

Post scriptum: иногда Корнѣй Бѣлинскій
Сѣчетъ господъ, цѣна которымъ грошъ, —
Тогда кипитъ въ немъ геній исполинскій,
И тогой съ плечъ спадаетъ макинтошъ!

ЧИТАТЕЛЬ.

Я знакомъ по послѣднѣйшей версіи
Съ напроеніемъ Англіи въ Персіи
И не менѣе точно знакомъ
Съ настравленьемъ поэта Кубышкина,
Съ каждой новой статьей Кочерыжкина.
И съ газетно-журнальнымъ пескомъ.

Словомъ, чтенья всегда въ изобиліи, —
Недосугъ прочитать лишь Вергилія.
Говорятъ, здоровенный талантъ!
Да еще не мѣшало-бъ Горація, —
Тоже былъ, говорятъ, не безъ граціи...
А Шекспиръ, а Сенека, а Дантъ?

Утѣшаюсь однимъ лишь — къ пріятелямъ
(Чрезвычайно усерднымъ читателямъ)
Какъ-то въ клубѣ на-дняхъ я присталъ:
„Кто читалъ Ювенала, Вергилія?“
Но увы (умолчу о фамиліяхъ),
Оказалось, никто не читалъ!

Перебралъ и иныхъ для забавы я:
Кто припомнилъ обложку, заглавіе,
Кто цитату, а кто анекдотъ,
Имена переводчиковъ, критику...
Перешли вообще на піитику —
И поѣхали. Пылкій народъ!

Разобрали детально Кубышкина,
Томъ шестой и восьмой Кочерыжкина,
Альманахъ „Обгорѣлый фитиль“,
Поворотъ къ реализму Поплавкина
И значенье статьи Бородавкина
„О вліяньи желудка на стиль“...

Утѣшенье, конечно, большущее...
Но въ душѣ есть сознанье сосущее
Что я самъ до кончины моей,
Объѣдаясь трухой въ изобиліи,
Ни строки не прочту изъ Вергилія
Въ суетѣ моихъ пестренькихъ дней.

ТРАГЕДІЯ.

Рожденный быть кассиромъ въ тихой банѣ,
Иль агентомъ по заготовкѣ шпалъ,
Семенъ Бубновъ, сверхъ всякихъ ожиданій,
Игрой судьбы въ редакторы попалъ.

Огромный столъ. Перо и десть бумаги, —
Сидитъ Бубновъ, задравши кнопку-носъ...
Не много нужно знаній и отваги,
Чтобъ ляпать всѣмъ: „Возьмемъ". „Не подошло-съ!"

Кто въ первый разъ, — скоститъ на половину,
Кто во второй, — на четверть иль на треть...
А въ третій разъ — пришли хоть требушину,
Сейчасъ въ наборъ, не станетъ и смотрѣть!

Такъ тридцать лѣтъ чернильнымъ папуасомъ,
Четвертовалъ онъ слово, мысль и вкусъ,
И, наконецъ, опившись какъ-то квасомъ,
Икнулъ и померъ, вздувшись, словно флюсъ...

Въ некрологахъ, средь пышныхъ восклицаній,
Никто, конечно, вслухъ не произнесъ,
Что онъ, служа кассиромъ въ тихой банѣ,
Навѣрно, больше-бъ пользы всѣмъ принесъ.

CRITICUS.

(Къ картинѣ Бёклина).

Въ зубахъ гусиное перо,
Въ сухихъ глазахъ гроза расправы...
Вотъ онъ — чернильное ядро,
Цѣпной барбосъ у храма Славы.

Какая злая голова!
Вихры свирѣпѣй змѣй Медузы,
Лобъ прокурора, челюсть льва, —
Закройте въ страхѣ лица, Музы!..

На вашей кожѣ онъ сейчасъ
Пересчитаетъ всѣ веснушки,
Нахрапомъ влѣзетъ на Парнасъ
И всѣхъ облаетъ васъ съ макушки:

„Гавъ-гавъ! Мой судъ — законъ для всѣхъ!
Я гидъ съ универсальнымъ вкусомъ.
Чему я чуждъ—то смертный грѣхъ:
Безцвѣтно! Плоско! Двойка съ плюсомъ!"..

Сгребетъ въ намордникъ всѣ мечты,
Польетъ ремесленною злобой
И къ сердцу Новой Красоты
Привѣситъ пломбу съ низкой пробой.

ЛИТЕРАТОРЫ НА КАПРИ.

На скалахъ вечернія розы горятъ.
Со скалъ долетаетъ гудѣнье:
„Четвертую часть возвратили назадъ
И требуютъ вновь сокращенья“ . . .

Пониже, средь кактусовъ пыльно сухихъ
Весь воздухъ тоской намозоленъ:
„Почто, Алексѣичъ, задумчивъ и тихъ?“
— „Послѣдней главой недоволенъ“ . . .

А съ моря, сквозь шлепанье сонной волны,
Съ далекой доносится барки:
„Сто разъ передѣлывай! Очень умны!
И такъ нѣтъ строки безъ помарки“ . . .

1912.

ИЗЪ ЗЕЛЕНОЙ ТЕТРАДКИ.

1.

Холодный вѣтеръ разметалъ разсаду.
Мракъ, мертвый сонъ, и дребезжанье штофовъ...
Бодрись, народъ! Димитрій Философовъ
Зажегъ „Неугасимую Лампаду".

2.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Безъ галстуха и чина,
Настроивъ контрабасъ,
Размашистый мужчина
Взобрался на Парнасъ.
Какъ другъ, облапилъ Феба,
Взялъ у него авансъ
И, сочно сплюнувъ въ небо,
Сѣлъ съ Музой въ преферансъ.

3.

Почему-то у „толстыхъ" журналовъ,
Какъ у толстыхъ дѣвицъ среднихъ лѣтъ,
Словъ и рыхлаго мяса не мало, —
Но совсѣмъ темперамента нѣтъ.

4.

ЧИТАТЕЛЬ.

Бабкинъ смѣлъ, — прочелъ Сенеку
И, насвистывая тушъ,
Снесъ его въ библіотеку,
На поляхъ отмѣтивъ: „Чушь!“
Бабкинъ, другъ, — суровый критикъ,
Ты подумалъ-ли хоть разъ,
Что безногій паралитикъ
Легкой сернѣ не указъ?..

5.

СТИЛИЗАЦІЯ.

Къ баронессѣ Аксан'Гравъ
Влѣзъ въ окно голландскій графъ.
Ауслендеръ все до слова
Записалъ изъ-подъ алькова,
Надушилъ со всѣхъ сторонъ
И отправилъ въ „Аполлонъ“;
Черезъ мѣсяцъ — деньги, лавры
И кузьминскіе литавры.

6.

ТОНКАЯ РАЗНИЦА.

Порой вамъ „знаменитость“
Подастъ, забывъ маститость,
Пять пальцевъ съ миной льва.

Зато его супруга
(И то довольно туго) —
Всегда подастъ лишь два.

7.

Не мало критиковъ сейчасъ,
Для развлеченія барановъ,
Ведутъ подробный счетъ опискамъ...
Рекомендую въ добрый часъ
Дать этимъ мелкимъ василискамъ
Губернскій титулъ: „критикановъ".

8.

ВЪ АЛЬБОМЪ БРЮСОВУ.

Люди свыклись съ древнимъ предразсудкомъ
(Сотни лѣтъ онъ былъ безсмѣнно святъ), —
Что талантъ не можетъ быть ублюдкомъ,
Что душа и даръ — сестра и братъ.

Но теперь такой рецептъ — рутина
И, увы, не стоитъ ни гроша:
Стиль — алмазъ, талантъ, какъ хвостъ павлина,
А внутри... бездарная душа.

* * *

Жестокій богъ литературы!
Давно тебѣ я не служилъ:
Лѣнился, думалъ, спалъ и жилъ,—
Забылъ журнальныя фигуры,
Интригъ и купли кислый илъ,
Молчанья боль и трепетъ шкуры
И терпкій ароматъ чернилъ...

Но странно, вѣрная мечта
Не отцвѣла — живетъ и рдѣетъ.
Не измѣняетъ красота —
Все громче шепчетъ и смѣлѣетъ.
Недостижимое свѣтлѣетъ
И вновь плѣняетъ высота.

Опять итти къ ларямъ въ потьмахъ,
Гдѣ зазыванье, пыль и давка,
Гдѣ всѣ слѣпые у прилавка
Убого спорятъ о цвѣтахъ?..
Гдѣ царь-апломбъ рѣшаетъ ставки,
Гдѣ мода — властный падишахъ...

Собравъ съ мечты душистый медъ,
Безпечный, какъ мечтатель инокъ,
Придешь сконфуженно на рынокъ,—
Орутъ ослы, шумитъ народъ,
Въ ларяхъ пестрятъ возы новинокъ,—
Вступать-ли въ жалкій поединокъ
Иль унести домой свой сотъ?...

1912.

IV

ПОСЛАНІЯ

ПОСЛАНІЕ ПЕРВОЕ.

Семь дней валяюсь на травѣ
Средь блѣдныхъ незабудокъ,
Уснули мысли въ головѣ,
И чуть ворчитъ желудокъ.

Песчаный пляжъ. Волна скулитъ,
А чайки ловятъ рыбу.
Вдали чиновный инвалидъ
Ведетъ супругу-глыбу.

Друзья! прошу васъ написать —
Въ развратномъ Петербургѣ
Такой же рай и благодать,
Какъ въ тихомъ Гунгербургѣ?

Семь дней газетъ я не читалъ...
Скажите, дорогіе,
Кто въ Думѣ выкинулъ скандалъ,
Спасая честь Россіи?

Народу школа не дана-ль
За этотъ срокъ недѣльный?
Какая въ модѣ этуаль?
И какъ вопросъ земельный?

Ахъ, да — не вышли-ль, наконецъ,
Всѣ лѣвые изъ Думы?
Не утомился-ль Шварцъ-дѣлецъ?
А турки... Не въ Батумѣ?

Лежу, какъ лошадь, на травѣ —
Забылъ о мірѣ бренномъ,
Но кто-то нетъ въ головѣ:
Будь злымъ и современнымъ...

Пишите-жъ, милые, скорѣй!
Условія суровы:
Вѣдь правый думскій брадобрей
Скандалъ устроитъ новый, —

Тогда, увы, и я, и вы
Не будемъ современны.
Ахъ, горько мнѣ вставать съ травы
Для злобы дня презрѣнной!

Гунгербургъ 1908 г.

ПОСЛАНІЕ ВТОРОЕ.

Хорошо сидѣть подъ черной смородиной,
Дышать, какъ буйволъ, полными легкими,
Наслаждаться старой, истрепанной „Родиной"
И слѣдить за тучками легкомысленно-легкими.

Хорошо, объѣдаясь ледяной простоквашею,
Смотрѣть съ веранды глазами порочными,
Какъ дворникъ Пэтеръ съ кухаркой Агашею
Угощаютъ другъ друга поцѣлуями сочными.

Хорошо быть Агашей и дворникомъ Пэтеромъ,
Безъ драмъ, безъ принциповъ, безъ точекъ зрѣнія,
Начавъ съ конца романъ передъ вечеромъ,
Окончить утромъ—дуэтомъ храпѣнія.

Бросаю тарелку, томлюсь и завидую,
Одѣваю шляпу и галстухъ сиреневый
И иду въ курзалъ на свиданіе съ Лидою,
Худосочной курсисткой съ кожей шагреневой.

Навстрѣчу старухи мордатыя, злобныя,
Волочатъ въ пескѣ одѣянья суконныя,
Отвратительно-старыя и отвисло-утробныя,
Ползутъ и ползутъ, словно оводы сонные.

Гдѣ благородство и мудрость ихъ старости?
Отжившее мясо въ богатой матеріи
Заводитъ сатиру въ ущеліе ярости
И вѣдьмъ вызываетъ изъ тьмы суевѣрія...

А рядомъ юныя, въ прическахъ на валикахъ,
Въ поддѣльныхъ локонахъ, съ собачьими лицами,
Невинно шепчутся о мѣстныхъ скандаликахъ
И другъ на друга косятся тигрицами.

Курзальныя барышни, и жены, и матери!
Какъ васъ не трудно смѣшать съ проститутками,
Какъ мелко и тинисто въ вашемъ фарватерѣ,
Набитомъ глупостью и предразсудками...

Фальшивитъ музыка. Съ кровавой обидою
Катится солнце за море вечернее.
Встрѣчаюсь сумрачно съ курсисткой Лидою, —
И власть унынія больнѣй и безмѣрнѣе...

Опять о Думѣ, о жизни и родинѣ.
Опять о принципахъ и точкахъ зрѣнія...
А я вздыхаю по черной смородинѣ
И полонъ желчи, и полонъ презрѣнія...

Гунгербургъ.

ПОСЛАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вѣтерокъ набѣгающій
Шаловливъ, какъ влюбленный прелатъ.
Адмиралъ отдыхающій
Поливаетъ изъ лейки салатъ.

За зеленой оградою,
Растянувшись на пляжѣ, какъ краббъ,
Юрисконсультъ съ отрадою
Изъ песку лѣпитъ формочкой бабъ.

Средь столбовъ съ перекладиной—
Педагогъ на скрипучей доскѣ,
Кормитъ мопса говядиной
Съ назиданьемъ при каждомъ кускѣ.

А банкиръ въ отдаленіи
Краситъ масляной краской балконъ...
Я смотрю въ удивленіи
И не знаю: гдѣ правда, гдѣ сонъ?

Либеральную бороду
Въ глубочайшемъ раздумьи щиплю...
Кто, пріученный къ городу,
Въ этотъ мигъ не сказалъ бы: „я сплю“?

Жгутъ сомнѣнья унылыя,
Не даютъ развернуться мечтѣ, —
Эти дачники милые
Въ городахъ совершенно не тѣ!..

ПОСЛАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Подводя итоги лѣтомъ
Грустнымъ промахамъ зимы,
Часто тѣшимся обѣтомъ,
Что другими будемъ мы.
Духъ изношенъ, тѣло тоже,
Въ паутинѣ мечъ и щитъ,
И въ душѣ сильнѣй и строже
Голосъ совѣсти рычитъ.

Сколько дней ушло впустую...
Въ сердце лѣзли скорбь и злость,
Какъ въ открытую пивную,
Гдѣ любой прохожій гость.
Въ результатѣ: жизнь ублюдка,
Одинокихъ мыслей ядъ,
Несваренiе желудка
И потухшій, темный взглядъ.

Баста! Лѣто... Въ семь встаю я,
Въ десять вечера ложусь,
Съ лѣнью бѣшено воюя,
Цѣлый день, какъ волъ, тружусь.
Чищу садъ, копаю грядки,
Глажу стараго кота
(А вчера игралъ въ лошадки
И убилъ въ лѣсу крота).

Водку пью передъ ѣдою
(Иногда — по вечерамъ)
И холодною водою
Обтираюсь по утрамъ,
Храбро зимнія сомнѣнья
Нейрастеньей назвалъ вдругъ,
А фундаментъ обновленья
Все не начатъ... Недосугъ...

Планы множатся, какъ блохи
(Май, іюнь уже прошли),
Соберу-ль отъ нихъ хоть крохи?
Совѣсть, совѣсть, не скули!
Вамъ знакома повѣсть эта?
Послѣ тусклыхъ дней зимы
Люди вѣрятъ въ силу лѣта
Лишь до новой зимней тьмы...

Кто желаетъ объясненья
Этой странности земной, —
Пусть пріѣдетъ въ воскресенье
Побесѣдовать со мной.

Гунгербургъ.

ПОСЛАНІЕ ПЯТОЕ.

Вчера играло солнце,
И море голубѣло, —
И духъ тянулся къ солнцу,
И радовалось тѣло.

И люди были лучше,
И мысли были сладки, —
Вчера шальное солнце
Пекло во всѣ лопатки.

Сегодня дождь и сырость...
Дрожатъ кусты отъ вѣтра,
И духъ мой внизъ катится
Быстрѣе барометра.

Сегодня люди — гады,
Надежда спитъ сегодня, —
Усталая надежда,
Накрашенная сводня.

Изъ вѣры, книгъ и жизни,
Изъ мрака и сомнѣнья
Мы строимъ годъ за годомъ
Свое міровоззрѣнье.

Зачѣмъ вчера при солнцѣ
Я выгналъ вонъ усталость,
Заигрывалъ съ надеждой
И вѣрилъ въ небывалость?..

Горитъ закатъ сквозь тучи
Чахоточнымъ румянцемъ.
Стою у злого моря
Циничнымъ оборванцемъ.

Все тучи, тучи, тучи...
Ругаться или плакать?
О, еслибъ чаще солнце!
О, еслибъ рѣже слякоть!

Гунгербургъ.

ПОСЛАНІЕ ШЕСТОЕ.

Въ жаркій полдень влѣзъ, какъ бѣлка,
На смолистую сосну.
Небо—синяя тарелка, —
Клонитъ медленно ко сну.
Впереди стальное море и далекій горизонтъ.
На песчаномъ пляжѣ дама распустила красный зонтъ

Пляска шелковыхъ оборокъ,
Шляпа-ломъ, корсетъ, боа ...
А... Купчиха! Глазъ мой зорокъ,—
Здравствуй, матушка-Москва!
Тридцать градусовъ на солнцѣ, — даже мухи спятъ в
тѣни,
Распусти корсетъ и юбки и подъ деревомъ усни ..

И, обласканъ теплымъ свѣтомъ,
Въ полудрёмѣ говорю:
Хорошо-бъ кольцо съ браслетомъ
Ей просунуть сквозь ноздрю ...
Свищутъ птицы, шепчутъ сосны, замеръ парусъ вдалекѣ
Засыпаю ... до свиданья, засыпаю ... на сукѣ ...

„Эй, мужчина!“ — дачный сторожъ
Грубо сонъ мой вдругъ прервалъ:
„Слѣзьте съ дерева, да скоро-жъ!
Дамскій часъ давно насталъ“.
На столбѣ направо никнетъ въ самомъ дѣлѣ красный флагъ.
Злобно съ дерева слѣзаю и ворчу — за шагомъ шагъ.

Вонъ желтѣетъ сквозь осины
Груда дряблыхъ женскихъ тѣлъ, —
Я-бъ смотрѣть на эти спины
И за деньги не хотѣлъ...
Въ лѣсъ пойду за земляникой... Тамъ вѣдь дамскихъ нѣтъ часовъ,
Тамъ никто меня мужчиной не облаетъ изъ кустовъ.

Гунгербургъ.

КУМЫСНЫЯ ВИРШИ.

I.

Благословенъ степной ковыль,
Сосцы кобылъ и воздухъ пряный.
Обнявъ кумысную бутыль,
По цѣлымъ днямъ сижу, какъ пьяный.

Надъ рѣчкой свищутъ соловьи
И брекекекствуютъ лягушки.
Въ честь ихъ восторженной любви
Тяну кумысъ изъ липкой кружки.

Лѣнясь, смотрю на берега...
Душа вполнѣ во власти тѣла, —
Въ недѣлю правая нога
На девять фунтовъ пополнѣла.

Видали ль вы, какъ степь цвѣтетъ?
Я не видалъ, скажу по чести,
Должно быть, милый божій скотъ
Поѣлъ цвѣты съ травою вмѣстѣ.

Здѣсь скотъ весь день среди степей
Навозитъ, жретъ и дрыхнетъ праздно.
(Такую жизнь у насъ, людей,
Мы называемъ буржуазной).

Благословенъ степной ковыль!
Я тоже сплю и обжираюсь,
И на скептическій костыль
Лишь по привычкѣ опираюсь.

Безсильно голову склоня,
Качаюсь медленно на стулѣ
И пью. Навѣрно, у меня
Хвостъ конскій выростетъ въ іюлѣ.

Какой просторъ! Вонъ пара козъ
Дерется съ пылкостью Аяксовъ.
Въ окно влетающій навозъ
Милѣй струи опопонакса.

А тамъ, въ углу передъ крыльцомъ,
Сосетъ рябой котенокъ суку.
Сей фактъ съ сіяющимъ лицомъ
Вношу, какъ цѣнный вкладъ, въ науку.

Звенитъ въ ушахъ, въ глазахъ, въ ногахъ,
Съ трудомъ дописываю строчку,
А муха на моихъ стихахъ
Пусть за меня поставитъ точку

Дер. Чебени, 1909.

II.

Степное башкирское солнце
Раскрыло пылающій зѣвъ.
Завѣсивъ рубахой оконце,
Лежу, какъ растерзанный левъ,
И съ мокрымъ платкомъ на затылкѣ
Глушу за бутылкой бутылку.

Войдите въ мое положенье:
Я въ городѣ солнца алкалъ!
Дождался — и вотъ безъ движенья,
Разинувши мертвый оскалъ,
Дымящійся, мокрый и жалкій,
Смотрю въ потолочныя балки.

Но солнце, по счастью, залазитъ
Подъ вечеръ въ какой-то оврагъ
И кровью исходитъ въ экстазѣ,
Какъ смерти сдающійся врагъ.
Взлохмаченный, дикій и сонный,
Къ воротамъ иду монотонно.

Въ деревнѣ мертво и безлюдно.
Башкиры въ кочевья ушли.
Лишь старые идолы нудно
Сидятъ подъ плетнями въ пыли,
Икаютъ кумысной отрыжкой
И чешутъ лѣниво подмышки.

Въ трехцвѣтно окрашенномъ кэбѣ
Помѣщикъ катитъ на обѣдъ.
Мечеть выдѣляется въ небѣ.
Коза забралась въ минаретъ,
А голуби сѣли на крышу, —
Отъ сихъ впечатлѣній завишу.

Завишу душою и тѣломъ —
Ни книгъ, ни газетъ, ни людей!
Однимъ лишь терпѣньемъ и дѣломъ
Спасаюсь отъ мрачныхъ идей:
У мухъ обрываю головки
И клецки варю на спиртовкѣ.

Чебени.

III.

Бронхитный исправникъ,
Серьезный, какъ классный наставникъ,
Съ покорной тоской на лицѣ,
Дороденъ, задумчивъ и лысъ,
Сидитъ на крыльцѣ
И дуетъ кумысъ.

Плевритный священникъ
Взопрѣлъ, какъ березовый вѣникъ,
Отринулъ на рясѣ крючки,
И — тощъ, близорукъ, бѣлобрысъ, —
Уставилъ въ газету очки
И дуетъ кумысъ.

Катаррный сатирикъ,
Истомный и хлипкій, какъ лирикъ,
Съ безсмысленнымъ, пробковымъ взглядомъ
Сижу безъ движенія рядомъ.
Сомлѣлъ, распустился, раскисъ
И дую кумысъ.

„Въ Полтавѣ попался мошенникъ“,
Читаетъ со вкусомъ священникъ.
„Должно быть, изъ лѣвыхъ“,
Исправникъ баситъ полусонно.
А я прошепталъ убѣжденно:
„Изъ правыхъ“.

Подходитъ мулла въ полосатомъ
Пропахшемъ муллою халатѣ.
Хихикаетъ... Самъ-то хорошъ! —
— Не ты ли, и льстивый, и робкій,
Въ бутылкахъ кумысныхъ даешь
Негодныя пробки?

Его пятилѣтняя дочка
Сидитъ, распѣвая, у бочки,
Въ весьма невоспитанной позѣ.
Краснѣю, какъ скромный поэтъ,
А дѣва, копаясь въ навозѣ,
Смѣется: „Бояръ! Дай конфетъ!"

„И въ Ригѣ попался мошенникъ!"
Смакуетъ плевритный священникъ.
„Повѣсить бы подлаго Витте"...
Бормочетъ исправникъ сквозь сонъ.
— За что же? И голосъ сердитый
Мнѣ буркнулъ: „все онъ"...

Пусть вѣшаетъ. Долженъ цинично
Признаться, что мнѣ безразлично.
Исправникъ глядитъ на муллу
И тянетъ ноздрями: „Вонища!"
Священникъ взываетъ: „Жарища!"
А я изрекаю хулу:
— Тощища!!.

Чебени.

IV.

По утру пошлякъ чиновникъ
Прибѣжалъ ко мнѣ въ экстазѣ:
— Дорогой мой, на семь фунтовъ
Пополнѣлъ я съ воскресенья...

Я поникъ главою скорбно
И подумалъ: если дальше
Будетъ такъ же продолжаться,
Онъ поправится, пожалуй!

У рѣки, подъ тѣнью ивы
Я надъ этимъ долго думалъ...
Для чего лечить безмозглыхъ,
Пошлыхъ, подлыхъ и ненужныхъ?

Но избитымъ возраженьемъ
Самъ себя опровергаю:
Отличить-ли въ наше время
Тѣхъ, кто нуженъ, отъ ненужныхъ?..

Можетъ быть, я самъ не нуженъ, —
Ни себѣ, ни добрымъ людямъ...
Можетъ быть, Гафизъ безпечный
Всѣхъ мудрѣе и полезнѣй...

У рѣки подъ тѣнью ивы
Я разсматривалъ природу, —
Видѣлъ заросли крапивы
И вульгарнѣйшей полыни.

Но межъ ними ни единой
Благородной, пышной розы...
Отчего такъ рѣдки розы?
Отчего такъ много дряни?!

По степямъ бродилъ въ печали:
Все коровникъ, да репейникъ,
Лебеда, полынь, поганки
И глупѣйшая ромашка.

О, зачѣмъ въ поляхъ свободно
Не растутъ иные злаки —
Рожь, пшеница и картошка,
Помидоры и капуста?

Почему на хмурыхъ соснахъ
Не качаются сосиски?
Почему лопухъ шершавый
Не изъ шелковыхъ волоконъ?

Ахъ, тогда бъ для всѣхъ на свѣтѣ
Соціальная проблема
Разрѣшилась моментально...
О, дурацкая природа!

Эта мысль меня такъ мучитъ,
Эта мысль меня такъ давитъ,
Что въ волненіи глубокомъ
Не могу писать я больше...

Чебени.

V

ПРОВИНЦІЯ

БУЛЬВАРЫ.

Праздникъ. Франты гимназисты
Занимаютъ всѣ скамейки.
Снова тополи душисты,
Снова влюбчивы еврейки.

Пусть экзамены вернулись . . .
На тѣнистые бульвары
Какъ и прежде, потянулись
Пары, пары, пары, пары . . .

Господа семинаристы
Голосисты и смѣшливы,
Но бонтонны гимназисты
И вдвойнѣ краснорѣчивы.

Назначаютъ часъ свиданья,
Просятъ „вѣточку сирени,"
Давятъ руки на прощанье
И вздыхаютъ, какъ тюлени.

Адъютантикъ благовонный
Увлеченъ усатой дамой.
Слышенъ голосъ заглушенный:
„Ахъ, не будьте столь упрямой!"

Обѣщаетъ. О, конечно,
Даже кошки и собачки
Кое въ чемъ не безупречны
Послѣ долгой, зимней спячки . . .

Три акцизника портнихѣ
Отпускаютъ комплименты.
Та бѣжитъ и шепчетъ тихо:
„А еще интеллигенты!“

Губернаторъ ѣдетъ къ тетѣ.
Нѣжны кремовые брюки.
Пристяжная на отлетѣ
Вытанцовываетъ штуки.

А въ сосѣднемъ переулкѣ
Тишина, и лѣнь, и дрема.
Все живое на прогулкѣ,
И однѣ старушки дома.

Садикъ. Домикъ чуть замѣтенъ.
На скамьѣ у старой елки
Въ упоеньи новыхъ сплетенъ
Двѣ сѣдыя балаболки.

„Шмитъ къ Сѣровой влѣзъ въ окошко..
А еще интеллигенты!
Ночью, къ дѣвушкѣ, какъ кошка...
Современные... Студенты!“

СВЯЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Бесѣдка тѣснѣе скворешни.
Темны запыленные листья.
Блестятъ наливныя черешни...
Приходитъ дородная Христя,
Приноситъ бутылку наливки,
Грибы, и малину, и сливки.

Въ подносъ упираются дерзко
Преступно-прекрасныя формы.
Смущенно, и робко, и мерзко
Уперлись глазами въ заборъ мы...
Забыли грибы и бутылку,
И кровь приливаетъ къ затылку.

— Садитесь, Христина Петровна! —
Потупясь, мы къ ней обратились
(Всѣ трое въ нее поголовно
Давно уже на-смерть влюбились),
Но молча косится четвертый:
Причина особаго сорта...

Хозяинъ бесѣдки и Христи,
Наливки, и сливокъ, и сада
Сжимаетъ задумчиво кисти,
А въ сердце вползаетъ досада:
— Ахъ, ѣшьте грибы и малину
И только оставьте Христину!

НА СЛАВНОМЪ ПОСТУ.

Фельетонистъ взъерошенный
Засунулъ въ ротъ перо,
На немъ халатъ изношенный
И шляпа болеро...

Чѣмъ въ слѣдующемъ номерѣ
Заполнить сотню строкъ?
Зимою жизнь въ Житомирѣ
Сонлива, какъ сурокъ.

Живетъ перепечатками
Газета-инвалидъ,
И только опечатками
Порой развеселитъ.

Не трогай полицмейстера,
Духовныхъ и крестьянъ,
Чиновниковъ, брандмейстера,
Торговцевъ и дворянъ,

Султана, предводителя,
Толстого и Руссо,
Адама-прародителя
И даже Клемансо...

Ахъ, жизнь полна суровости,
Заплачешь надъ судьбой:
Единственныя новости —
Парадъ и мордобой!

Фельетонистъ взъерошенный
Терзаетъ болеро:
Парадъ — сюжетъ изношенный,
А мордобой — старо!

ПРИ ЛАМПѢ.

Три экстерна болтаютъ руками,
А студентъ-оппонентъ
На диванъ завалился съ ногами
И, сверкая цвѣтными носками,
Говоритъ, говоритъ, говоритъ . . .

Первый видитъ спасенье въ природѣ,
Но второй, потрясая икрой,
Увѣряетъ, что только въ народѣ.
Третій—въ книгахъ и въ личной свободѣ,
А студентъ возражаетъ всѣмъ тремъ.

Лазарь Розенбергъ, рыжій и гибкій,
Въ сторонѣ на окнѣ
Къ Динѣ Блюмъ наклонился съ улыбкой.
Въ ихъ сердцахъ ангелъ страсти на скрипкѣ
Въ первый разъ вдохновенно игралъ.

Въ окна первыя звѣзды мигали.
Лѣзъ жасминъ изъ куртинъ.
Дина нѣжилась въ маминой шали,
А у Лазаря зубы стучали
Отъ любви, отъ великой любви! . .

Звонко пробило четверть второго, —
И студентъ-оппонентъ
Приступилъ, горячась до смѣшного,
Къ раздѣленію шара земного.
Остальные устало молчали.

Дымъ табачный и свѣжесть ночная...
Въ сторонѣ, на окнѣ
Разметалась забытая шаль, какъ больная.
И служанка внесла, на ходу засыпая,
Шестой самоваръ...

ШКАТУЛКА ПРОВИНЦІАЛЬНАГО «CABALERO».

(Опись.)

Шпоры, пачка зубочистокъ,
Сорокъ писемъ отъ модистокъ,
Шитыхъ шелкомъ двѣ закладки,
Три несвѣжія перчатки,
Бинтъ и средство для усовъ,
Пара сломанныхъ часовъ,
Штрипки, старая кокарда,
Семь квитанцій изъ ломбарда,
Пистолетъ, „salol“ въ облаткахъ,
Анекдоты въ трехъ тетрадкахъ,
„Эсс-буке“ и „Гонгруазъ“,
Два листка кадрильныхъ фразъ,
Пять предметовъ изъ резинки,
Фотографія отъ Зинки,
Шесть „варшавскихъ“ cartes postales,
Хлыстикъ, карты и вуаль,
Красной ленточки клочекъ
И потертый темлячекъ.

НА ГАЛЕРКѢ.

(Въ оперѣ.)

Предо мною чьи-то локти,
Ароматный воздухъ густъ,
Въ бокъ вцѣпились чьи-то ногти,
Сзади шопотъ чьихъ-то устъ:
„Въ этомъ мѣстѣ басъ сфальшивилъ!“
„Тише . . . Браво! Ш-а! Еще!!“
Кто-то справа осчастливилъ —
Робко сѣлъ мнѣ на плечо.
На лицѣ моемъ несчастномъ
Бьется чей-то жирный бюстъ,
Сквозь него, на сценѣ, ясно
Вижу будочку и кустъ.
Кто-то дышетъ прямо въ ухо.
Басъ реветъ: „О, па-че-му?!.“
Я прислушиваюсь сухо
И не вѣрю ничему.

РАННИМЪ УТРОМЪ.

Утро. Въ паркѣ — пѣснь кукушкина.
Запертъ сельтерскій кіоскъ.
Рядомъ — памятничекъ Пушкина,
У подножья — пьяный въ лоскъ:

Поудобнѣе притулится,
Посидитъ и упадетъ...
За оградой вьется улица,
А на улицѣ народъ:

Двѣ дворянки, мама съ дочкою,
Ковыляютъ на базаръ,
Водовозъ, привставъ надъ бочкою,
Мчится словно на пожаръ,

Приставъ съ шашкою подъ мышкою,
Двѣ свиньи, ветеринаръ.
Черезъ часъ — „приготовишкою"
Оживляется бульваръ.

Сколько ихъ, смѣшныхъ и маленькихъ,
И какой сановный видъ! —
Вонъ толстякъ въ галошахъ-валенкахъ
Ѣстъ свой завтракъ и сопитъ.

Два — другъ дружку лупятъ ранцами,
Третій книжки растерялъ,
И за это „оборванцами"
Встрѣчный попъ ихъ обругалъ.

Солнце рдѣетъ надъ березами.
Воздухъ чистъ, какъ серебро.
Тарахтитъ за водовозами
Безпокойное ведро.

На кентаврахъ раскаряченныхъ
Прокатилъ архіерей,
По ошибкѣ, страхомъ схваченный,
Низко шапку снялъ еврей.

Съ визгомъ песъ пронесся мнительный, —
„Гицель“ выѣхалъ на ловъ.
Бочки. Запахъ подозрительный
Объясняетъ все безъ словъ.

Жизнь все ярче разгорается:
Двухъ старушекъ въ часть ведутъ,
Въ паркѣ кто-то надрывается, —
Вѣроятно, морду бьютъ.

Тьма, какъ будто въ Полинезіи...
И отлично! Боже мой,
Развѣ мало здѣсь поэзіи,
Самобытной и родной?!

ЛОШАДИ.

Четыре кавалера
Дежурятъ возлѣ сквера,
Но Вѣра не идетъ.

Друзья отъ скуки судятъ
Бока ея и груди,
Рѣсницы и животъ.

„Невредная блондинка"!
„Н-да-съ, дѣвочка съ начинкой..."
„Жаль только — не того-съ!"

„Шалишь, а та интрижка
Съ двоюроднымъ братишкой?"
„Ну, это, братъ, вопросъ".

Вдали мелькнула Вѣра.
Четыре кавалера,
Съ изяществомъ стрекозъ,

Галантно подлетѣли
И сразу прямо къ цѣли:
„Какъ спали, хорошо-съ?"

„А къ вамъ, ха-ха, въ окошко
Стучалась ночью кошка...“
„Съ усами... ха-ха-ха!“

Краснѣетъ Вѣра густо
И шепчетъ: „Будь вамъ пусто!
Какая чепуха...“

Подходитъ пятый лихо
И спрашиваетъ тихо:
„Ну, какъ дѣла, друвья?“

Смѣясь, шепнулъ четвертый:
„Морочитъ хуже черта —
Пока еще нельзя“.

„Смотри... Скрывать не гоже!
Я въ очереди тоже...“
„Само собой, мой другъ“.

Пять форменныхъ фуражекъ
И десять глупыхъ ляжекъ
Замкнули Вѣру въ кругъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Пансіонеры дремлютъ у стѣны
(Ихъ мѣсто — только злость и зависть прочимъ)
Стѣна — спасенье гимназической спины —
Приткнулся, и часы уже короче.

Но остальнымъ, увы! какъ тяжело:
Переминаются, вздыхаютъ, какъ тюлени,
И, чтобъ немножко тѣло отошло,
Становятся громоздко на колѣни.

Инспекторъ въ центрѣ. Лѣвый глазъ усталъ —
Косится правымъ. Некогда молиться!
Замѣтить надо тѣхъ, кто слишкомъ вялъ
И тѣхъ, кто не успѣлъ еще явиться.

На цыпочкахъ къ нему спѣшитъ съ мольбой
Взволнованный малышъ-приготовишка.
— Ужели Смайльсъ не властенъ надъ тобой?!
„Позвольте выйти!“ Бѣдная мартышка...

Лишь за порогъ, — все громче и скорѣй
По корридору побѣжалъ вприпрыжку.
И злится надзиратель у дверей,
Его фамилію записывая въ книжку.

На правомъ клиросѣ серебряный теноръ
Солируетъ, какъ звонкій вешній вѣтеръ.
Альты за нотами, чтобъ не увидѣлъ хоръ,
Поспѣшно пожираютъ „Gala Peter“.

По гимназистки молятся до слезъ
Подъ желчнымъ окомъ красной классной дамы,
Изящныя, какъ купы бѣлыхъ розъ,
Несложныя и нѣжныя, какъ гаммы.

Порой лишь быстрый и лукавый глазъ
Перемигнется съ миловиднымъ басомъ:
И рявкнетъ яростнѣй воспламененный басъ,
Условленнымъ томимъ до боли часомъ.

Директоръ, — бритый, дряхленькій Кащей, —
На лѣвомъ клиросѣ увлекся разговоромъ.
Въ косыя нити солнечнымъ лучей
Вплылъ сизый дымъ и плавится надъ хоромъ.

Усталость дуетъ ласково въ глаза.
Хоръ все торопится — скорѣй, скорѣй, скорѣе...
Кружатся стѣны, полъ и образа,
И грузные слоны сидятъ на шеѣ.

ВИЛЕНСКІЙ РЕБУСЪ.

О, Рахиль, — твоя походка
Отдается въ сердцѣ четко...
Голосъ твой, какъ голубь кроткій,
Станъ твой — тополь на горѣ,
И глаза твои, — маслины,
Такъ глубоки, такъ невинны,
Какъ... (нажалъ на всѣ пружины —
Нѣтъ сравненій въ словарѣ!)

Но женихъ твой... Громъ и пушка!
Ты и онъ, — подумай, душка:
Одуванчикъ и лягушка,
Мотылекъ и вурдалакъ.
Эти жесты и улыбки,
Эти брючки, эти штрипки...
Весь до дна, какъ клейстеръ липкій, —
Мелкій маклеръ и пошлякъ.

Но, дитя, всего смѣшнѣе,
Что въ придачу къ Гименею
Ты такому дуралею
Триста тысячъ хочешь дать...
О, Рахиль, царица Вильны!
Мысль и логика безсильны, —
Этотъ дикій ребусъ стильный
И Спинозѣ не понять.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

А. И. Куприну.

Изъ за забора вылѣзла луна
И нагло сѣла на крутую крышу.
Съ надеждой, вѣрой и любовью слышу,
Какъ запираютъ ставни у окна.
Луна!

О, томный шорохъ темныхъ тополей,
И спѣлыхъ грушъ наивно-дѣтскій запахъ!
Любовь сжимаетъ сердце въ цѣпкихъ лапахъ,
И яблони смѣются вдоль аллей.
Смѣлѣй!

Ты тамъ, какъ мышь, притихла въ тишинѣ?
Но взвизгнетъ дверь пустыннаго балкона,
Бѣлѣя и шумя волнами балахона,
Ты проскользнешь, какъ бабочка, ко мнѣ.
Въ огнѣ.

Да, — дверь поетъ. Дождался, наконецъ.
А, впрочемъ, хрипъ, и кашель, и сморканье,
И толстыхъ ногъ чужія очертанья,
Все говоритъ, что это твой отецъ.
Конецъ.

О, носорогъ! Онъ смотритъ на луну,
Скребетъ бока, животъ и поясницу
И, придавивъ до плача половицу,
Икотой нарушаетъ тишину.
Ну-ну...

Потомъ въ туфляхъ спустился въ сонный садъ.
Въ аллеѣ яблоки опавшія сбираетъ,
Ихъ съ чавканьемъ и хрустомъ пожираетъ
И въ тьму вперяетъ близорукій взглядъ.
Назадъ!

Къ стволу съ отчаяньемъ и гнѣвомъ я приникъ.
Застылъ. Молчу. А въ сердцѣ кастаньеты...
Ты спишь, любимая? Конечно, нѣтъ отвѣта,
И не уходитъ медленный старикъ —
Привыкъ!

Мечтаетъ... Гадъ! Садится на скамью...
Вокругъ заборъ, а на заборѣ пики.
Ужель застряну и въ безсильномъ крикѣ
Свою любовь и злобу изолью?!
Плюю...

Луна струитъ серебряную пыль.
Свѣтло. Прости!.. Въ тоскѣ пе-ре-лѣ-за-ю,
Твои глаза заочно ло-бы-за-ю
И... съ тррескомъ рву штанину о костыль.
Рахиль!

Какъ мамонтъ бѣшеный, влачился я, хромой.
На улицахъ луна и кружево каштановъ...
Будь проклята любовь вблизи отцовъ тирановъ!
Кто утолитъ сегодня голодъ мой?
Домой! . . . . . .

НА МУЗЫКАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦІИ.

Склонивъ хребетъ, галантный дирижеръ
Талантливо гребетъ обѣими руками.
То сдержитъ окомъ бѣшеный напоръ,
То вдругъ въ падучей изойдетъ толчками...

Кургузый добросовѣстный флейтистъ,
Скосивъ глаза, поплевываетъ въ дудку.
Вливаясь въ скрипку, тоненькій, какъ глистъ,
Визжитъ скрипачъ, прижавъ пюпитръ къ желудку

Дѣвица-страусъ, сжавъ віолончель,
Ключицами прилипла страстно къ грифу,
И безконечную наяривая трель,
Все локтемъ ерзаетъ по кремовому лифу.

За фисгармоніей унылый господинъ
Рычитъ, гудитъ и испускаетъ вздохи,
А піанистка вдругъ, безъ видимыхъ причинъ,
Куда-то вверхъ полѣзла въ суматохѣ.

Передъ трюмо разсѣлся мѣстный левъ,
Сіяя парфюмерною улыбкой, —
Вокругъ колье изъ драгоцѣнныхъ дѣвъ,
Шуршитъ волной томительной и гибкой...

А рядомъ чья то mère, въ избыткѣ чувствъ
Вздыхая, пудритъ носъ, горящій цвѣтомъ мака:
„Ахъ, музыка, искусство изъ искусствъ,
Безумно помогаетъ въ смыслѣ брака!..“

Вильно.

ПРАЗДНИКЪ.

Генералъ отъ водки,
Управитель акцизами
Съ бакенбардами сизыми,
На новой пролеткѣ,
Прямой, какъ верста, —
Спѣшитъ губернатора сухо поздравить
Съ Воскресеньемъ Христа.

—

То-то будетъ выпито!

Полицмейстеръ напыженный,
Въ регаліяхъ съ бантами,
Ругаетъ коней арестантами,
А кучеръ пристыженный
Лупцуетъ пристяжку съ хвоста.
Впередъ — на клячѣ подстриженной
Помчался стражникъ съ поста...
Спѣшатъ губернатора лихо поздравить
Съ Воскресеньемъ Христа.

—

То-то будетъ выпито!

Директоръ гимназіи,
Ради парадной оказіи
На колѣняхъ держа треуголку
И фуражкой лысину скрывъ,
На кривой одноколкѣ,
Чуть живъ,
Спускается въ страхѣ съ моста.
Спѣшитъ губернатора скромно поздравить
Съ Воскресеньемъ Христа.

—

То-то будетъ выпито!

Разгаръ кутерьмы!
Въ наемной лоханкѣ
Промчался начальникъ тюрьмы.
Слѣдомъ — директоръ Казеннаго банка,
За нимъ предводитель дворянства
Въ роскошномъ убранствѣ
Съ ключами ниже спины.
Бѣлѣютъ штаны.
Сомкнуты гордо уста.
Спѣшатъ губернатора дружно поздравить
Съ Воскресеньемъ Христа.

—

То - то будетъ выпито!

НА РѢКѢ.

Господа волонтеры
Катаются въ лодкѣ
И горланятъ надъ сонной водою.
На скамьѣ помидоры,
Посудина съ водкой,
Пиво, сыръ и бумажка съ халвою.

Прямо къ старой купальнѣ
На дамскія ноги
Правятъ носъ, закрывая погоны.
Но передній печально
Вдругъ свистнулъ: „О, боги!
Это ноги полковничьей бонны!“

И уходитъ бросками
Скрипящая лодка.
Задыхаясь, рвутъ весла и гонятъ.
Упираясь носками,
Хохочутъ: „Лебедка!
Волонтеръ тебя пальцемъ не тронетъ!“

На челнѣ два еврея
Поютъ себѣ хоромъ:
„Закувала та сыза зозу-ля...“
Рулевой, свирѣпѣя,
Грозитъ помидоромъ,
А сосѣдъ показалъ имъ двѣ дули.

„Караулъ! Что такое?!“
Галдежъ перебранки,
Челнъ во всѣ удираетъ лопатки.
Тишина надъ рѣкою...
На грузной лоханкѣ
Показался мороженщикъ съ кадкой.

Навертѣлъ крокодиламъ
Три полныя чашки.
Лодка пляшетъ и трется о лодку.
Въ синькѣ неба — бѣлила.
Вспотѣли рубашки.
Хороша ли съ мороженнымъ водка?

ПСКОВСКАЯ КОЛОТОВКА.

Завернувши рыбьи кости
Въ нѣжнорозовую ткань,
Приплелась на елку въ гости,
Улыбаясь, какъ тарань.

Изогнула задъ корытомъ
Къ стрѣлкѣ бѣлаго чулка
И кокетливо копытомъ
Подпустила всѣмъ жука.

И мгновенно такъ запахло
Шипромъ, псомъ et cetera,
Что на стѣнкѣ вдругъ зачахло
Электрическое бра...

Какъ колтунъ, торчали кудри,
Шейка гнулась, какъ змѣя, —
И паркетъ былъ бѣлъ отъ пудры
На аршинъ вокругъ нея!

Вмигъ съ апломбомъ плоской утки
Нагло всѣмъ закрыла рты:
Сплетни, вздоръ, тупыя шутки,
Водопады клеветы...

Предразсудокъ... Воспитанье...
Почему никто не могъ
Это чучело баранье
Взять за хвостъ и объ порогъ?!

Грубость? Дерзость? Оскорбленье?
Но вѣдь этотъ женскій гнусъ
Оскорбилъ и мозгъ, и зрѣнье,
Обонянье, слухъ и вкусъ...

Ржавый стихъ мой злѣе шила
И исполненъ озорства:
Вѣдь она мнѣ отравила,
Милый вечеръ Рождества!

Вѣдь Господь, хотя бы въ праздникъ,
Могъ столкнуть меня съ другой...
Эхъ, ты, жизнь, скупой лабазникъ,
Хамъ угрюмый и нагой!

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ БОЛХОВЪ.

На Одёрской площади понурые одры,
Понурые лари и понурые крестьяне.
Вкругъ Одёрской площади груды пестрой рвани
Номера, лабазы и постоялые дворы.
Воняетъ кожей, рыбой и клеемъ.
Машина въ трактирѣ хрипло сипитъ.

Пыль кружитъ по улицѣ и забиваетъ ротъ,
Въѣдается въ глаза, клеймитъ лицо и воротъ.
Боровы съ веревками оживляютъ городъ
И, моргая вѣками, дрыхнутъ у воротъ.
Заборы — заборы — заборы — заборы.
Мостки, пустыри и пыльный репей.

Коринѳскія колонны облупленной семьей
Поддерживаютъ кровъ „Мѣщанской Богадѣльни".
Средь нищенскихъ домовъ упорно и безцѣльно
Угрюмо-пьяный чуйка воюетъ со скамьей.
Сквозь мутныя стекла мерцаютъ божницы.
Два стражника мчатся куда-то въ карьеръ.

Двадцать пять церквей пестрятъ со всѣхъ сторонъ —
Лиловыя, и желтыя, и бѣлыя въ полоску.
Дѣва у окна скребетъ перстомъ прическу.
Въ небѣ караванъ тоскующихъ воронъ.
Воняетъ клеемъ, пылью и кожей.
Стемнѣло. День умеръ. Куда-бы пойти?..

На горѣ бомондное гулянье въ „Городкѣ“:
Извилистые ухари въ драконовыхъ жилетахъ
И вспухшія отъ сна кожевницы въ корсетахъ
Ползутъ кольцомъ вкругъ „музыки“, какъ стая мухъ
въ горшкѣ.
Кларнетъ и гобой отстаютъ отъ литавровъ.
„Какъ ночь-то лунаста!“ „Лобзаться - съ
вкуснѣй!“

А внизу за гривенникъ волшебный новый ядъ —
Серьезная толпа застыла предъ экраномъ:
„Карнавалъ въ Венеціи“. „Любовникъ подъ диваномъ“.
Шелушатъ подсолнухи, вздыхаютъ и кряхтятъ...
Мальчишки прильнули къ щелкамъ забора.
Два стражника мчатся куда-то въ карьеръ.

* * *

Трава на мостовой,
И на заборѣ кошка.
Зѣвая, постовой
Свернулъ „собачью ножку".

Натеръ босой старикъ
Заборъ крахмальной жижей
И лѣпитъ: „Сестры Шикъ —
Сопрана изъ Парижа".

Окно въ глухой стѣнѣ:
Открытки, клей, Мадонна,
„Мозгъ и душа", „На днѣ",
„Гаданье Соломона".

Трава на мостовой.
Ушла съ забора кошка...
Семейство мухъ гурьбой
Усѣяло окошко.

VI

ЛИРИЧЕСКІЯ САТИРЫ

ПОДЪ СУРДИНКУ.

Хочу отдохнуть отъ сатиры...
У лиры моей
Есть тихо-дрожащіе, легкіе звуки.
Усталыя руки
На ржавыя струны кладу,
Пою и въ тактъ головою киваю...

Хочу быть незлобнымъ ягненкомъ,
Ребенкомъ,
Котораго взрослые люди дразнили и злили, —
А жизнь за чьи-то чужіе грѣхи
Лишила третьяго блюда...

Васильевскій островъ прекрасенъ,
Какъ жаба въ манжетахъ.
Отсюда, съ балконца,
Омытый потоками солнца,
Онъ веселъ, и грязенъ, и ясенъ,
Какъ старый маркеръ.
Надъ нимъ углубленная просинь
Зоветъ, и поетъ, и дрожитъ...
Задумчиво осень

Послѣдніе листья желтитъ.
Срываетъ.
Бросаетъ подъ ноги людей на панель, —
А въ сердцѣ не молкнетъ свирѣль:
Весна опять возвратится!

О, зимняя спячка медвѣдя,
Сосущаго пальчики лапъ!
Твой дѣвственный храпъ
Желаннѣй лобзаній прекраснѣйшей лэди.
Какъ молью, изъѣденъ я сплиномъ...
Посыпьте меня нафталиномъ,
Сложите въ сундукъ и поставьте меня на чердакъ,
Пока не наступитъ весна.

У МОРЯ.

Облаковъ жемчужный поясокъ
Полукругомъ вьется надъ заливомъ.
На горячій палевый песокъ
Мы легли въ томленіи лѣнивомъ.

Голый докторъ, толстый и большой,
Подставляетъ солнцу бокъ и спину.
Принимаю вспыхнувшей душой
Даже эту дикую картину.

Мы наги, какъ дѣти-дикари,
Дикари, но въ самомъ лучшемъ смыслѣ.
Подымайся, солнце, и гори,
Растопляй кочующія мысли!

По морскому хрѣну возлѣ глазъ
Лѣзетъ желтенькая божія коровка.
Наблюдаю трудный перелазъ
И невольно восхищаюсь: ловко!

Въ небѣ таютъ бѣлые клочки.
Покраснѣла грудь отъ ласки солнца.
Голый докторъ смотритъ сквозь очки,
И въ очкахъ смѣются два червонца.

— Докторъ, другъ! А не забросить намъ
И бѣлье, и платье въ сине море?
Будемъ спины подставлять лучамъ
И дремать, какъ галки на заборѣ...

Докторъ, другъ... мнѣ кажется, что я
Никогда не нашивалъ одежды! —
Но коварный докторъ — о, змѣя! —
Разбиваетъ всѣ мои надежды:

— Фантазеръ! Уже въ закатный часъ
Будетъ холодно, и вѣтренно, и сыро.
И при томъ фигуришки у насъ:
Вы — комаръ, а я — боченокъ жира.

Но всего важнѣе, мой поэтъ,
Что меня и васъ посадятъ въ каталажку. —
Я кивнулъ задумчиво въ отвѣтъ
И пошелъ напяливать рубашку.

ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ.

Я удралъ изъ столицы на нѣсколько дней
Въ царство сосенъ, озеръ и камней.

На площадкѣ вагона два раза видалъ,
Какъ студентъ свою даму лобзалъ.

Эта старая сцена сказала мнѣ въ мигъ
Больше ста современнѣйшихъ книгъ.

А въ вагонѣ — сосѣдка и мой vis-a-vis
Объяснялись тихонько въ любви.

Чтобъ свое одинокое сердце отвлечь,
Изъ портплэда я вытащилъ „Рѣчь".

Вверхъ ногами я эту газету держалъ:
Тамъ въ углу юнкеръ барышню жалъ!

Былъ на Иматрѣ. — Такъ надо.
Видѣлъ глупый водопадъ.
Постоялъ у водопада
И, озлясь, пошелъ назадъ.
Мнѣ сказала въ пляскѣ шумной
Сумасшедшая вода:
„Если ты больной, но умный —
Прыгай, миленькій сюда!"

Извините. Очень надо...
Я пріѣхалъ отдохнуть.
А за мной изъ водопада
Донеслось: „когда-нибудь!"

Забылъ на вокзалѣ пенснэ, сломалъ отельную лыжу.
Купилъ финскій ножъ — и вчера потерялъ.
Брожу у лѣсовъ и вдвойнѣ опять ненавижу
Того, кто мое легковѣріе грубо укралъ.

Я въ городѣ жаждалъ лѣсовъ, озеръ и покоя.
Но въ лѣсахъ снѣга глубоки, а калоши мелки.
Въ отелѣ все тѣ же комнаты, слуги, жаркое,
И въ окнахъ финскаго неба слѣпые бѣлки.

Конечно, прекрасно молчаніе финновъ и финнокъ,
И сосенъ, и финскихъ лошадокъ, и неба, и скалъ,
Но въ городѣ я намолчался по горло, какъ инокъ,
И здѣсь я бури и вольнаго вѣтра искалъ...

Надъ нетронутымъ компотомъ
Я грущу за табль д'отомъ:
Всѣ разъѣхались давно.

Что мнѣ дѣлать — я не знаю.
Сплю, читаю, ѣмъ, гуляю —
Здѣсь — иль городъ: все равно.

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

(Поэма.)

Носъ твой — башня Ливанская,
обращенная къ Дамаску.
(Пѣснь пѣсн. Гл. VII. 5)

Царь Соломонъ сидѣлъ подъ кипарисомъ
И ѣлъ индюшку съ рисомъ.
У ногъ, какъ воплощенный миѳъ,
Лежала Суламиѳь
И, высунувши розовенькій кончикъ
Единственнаго въ мірѣ язычка,
Какъ кошечка при видѣ молочка,
Шептала: „Соломонъ мой, Соломончикъ!

„Ну, что?“ промолвилъ царь,
Обгладывая лапку.
„Опять раскрыть мой ларь?
Купить шелковъ на тряпки?
Кровать изъ янтаря?
Запястье изъ топазовъ?
Скорѣй проси царя,
Проси, цыпленокъ, сразу!“

Суламиѳь царя перебиваетъ:
„О, мой царь! Года пройдутъ, какъ сонъ, —
Но тебя никто не забываетъ, —
Ты мудрецъ великій Соломонъ!
Ну, а я, шалунья Суламита,
Съ лучезарной, смуглой красотой,
Этимъ міромъ буду позабыта,
Какъ котенокъ въ хижинѣ пустой!
О, мой царь! Прошу тебя сердечно:
Прикажи, чтобъ мѣдникъ твой Хирамъ
Вылилъ статую мою изъ мѣди вѣчной, —
Красотѣ моей нетлѣнный храмъ!..“

—„Хорошо!—говоритъ Соломонъ.—Отчего-же?
А ревнивыя мысли поютъ на мотивъ:
У Хирама ужъ слишкомъ красивая рожа, —
Попозировать хочетъ моя Суламиѳь.
Но вѣдь я, Соломонъ, мудрецомъ называюсь
И Хирама изъ Тира мнѣ звать не резонъ...
— „Хорошо, Суламиѳь, хорошо, постараюсь!
Подаритъ тебѣ статую царь Соломонъ“...

Царь тихонько отъ шалуньи
Шлетъ къ Хираму въ Тиръ гонца,
И въ седьмое новолунье
У параднаго крыльца
Соломонова дворца
Появился караванъ
Изъ тринадцати верблюдовъ
И на нихъ литое чудо —
Отвратительнѣй верблюда
Мѣдный, въ шесть локтей болванъ!

Стража, чернь и служки храма
Насѣдаютъ на Хирама:
„Идолъ? Чей? Кому? Зачѣмъ?"
Но Хирамъ безстрастно нѣмъ.
Вдругъ выходитъ Соломонъ.
Смотритъ: „Что это за грифъ
Съ безобразно длиннымъ носомъ?!"
Не смущаясь симъ вопросомъ,
Мѣдникъ молвитъ: „Суламиѳь".

„Ахъ!" Сорвалось съ нѣжныхъ устъ,
И живая Суламита
На плиту изъ малахита
Опускается безъ чувствъ...
Царь, взбѣсясь, уже мечомъ
Замахнулся на Хирама,
Но Хирамъ повелъ плечомъ:
„Соломонъ, побойся срама!
Не спьяна и не во снѣ
Лилъ я мѣдь, о, царь сердитый,
Вотъ пергаментъ твой ко мнѣ
Съ описаньемъ Суламиты:

Носъ ея — башня Ливана!
Ланиты ея — половинки граната.
Ротъ, какъ земля Ханаана,
И брови, какъ два корабельныхъ каната.

Сосцы ея —юныя серны,
И груди, какъ двѣ виноградныя кисти,
Глаза — золотыя цистерны,
Рѣсницы, какъ вѣчно-зеленые листья.

Чрево, какъ ворохъ пшеницы,
Обрамленный гирляндою лилій,
Бедра, какъ двѣ кобылицы,
Кобылицы въ кремовомъ мылѣ...

Кудри, какъ козы стадами,
Зубы, какъ бритыя овцы съ приплодомъ,
Шея, какъ столпъ со щитами,
И пупокъ, какъ арбузъ, помазанный медомъ"!

Въ свитѣ хохотъ заглушенный. Улыбается Хирамъ.
Соломонъ, совсѣмъ смущенный, говоритъ: „Пошелъ
къ чертямъ!
Все, что слѣдуетъ по счету, ты получишь за работу...
Ты — лудильщикъ, а не мѣдникъ, ты сапожникъ...
Стыдъ и срамъ!"
Съ бородою по колѣна, изъ толпы—пророкъ Абрамъ
Выступаетъ вдохновенно: „Ты виновенъ—не Хирамъ!
Но не стоитъ волноваться, всякій можетъ увлекаться:
Ты писалъ и разскакался, какъ козуля по горамъ.
„Пѣсня пѣсней" — это чудо! И безсиленъ здѣсь
Хирамъ.
Что онъ дѣлалъ? Вылилъ блюдо въ дни, когда ты
строилъ храмъ...
Но клянусь! Въ двадцатомъ вѣкѣ по рожденіи Мессіи
Молодые человѣки возродятъ твой стиль въ Россіи"..

Суламиѳь открываетъ глаза,
Соломонъ наклонился надъ нею:
„Не волнуйся, моя бирюза!
Я послалъ ужъ гонца къ Амонею.
Онъ хоть старъ, но прилеженъ, какъ волъ.
Говорятъ, замѣчательный мѣдникъ...
А Хирамъ твой — бездарный оселъ
И при этомъ еще привередникъ!
Будетъ статуя здѣсь — не проси —
Черезъ два или три новолунья"...
И въ отвѣтъ прошептала: „Merci!"
Суламиѳь, молодая шалунья.

СКВОЗНОЙ ВѢТЕРЪ.

Графитъ на крышѣ раскаленъ.
Окно раскрыто. Душно.
Развѣсилъ лапы пыльный кленъ
И дремлетъ равнодушно.

Собрались мальчики изъ школъ.
Забыты въ мигъ тетрадки,
И шуменъ бѣшеный футболъ
На стриженой площадкѣ.

Горитъ стекло оранжерей.
Нагрѣлся подоконникъ.
Вдругъ шалый вѣтеръ изъ дверей
Ворвался, беззаконникъ.

Смахнулъ и взвилъ мои стихи —
Невысохшія строчки.
Внизу ехидное: „хи-хи"
Хозяйской младшей дочки.

Она, какъ такса, у окна
Сидитъ въ теченьи сутокъ.
Пускай хихикаетъ она, —
Мнѣ вовсе не до шутокъ.

Забылъ, забылъ... Сплелись въ мозгу
Всѣ ритмы, какъ химера,
И даже вспомнить не могу
Ни темы, ни размѣра.

ВЕСНА МЕРТВЕЦОВЪ.

Зашевелились корни
Деревьевъ и кустовъ.
Растаялъ снѣгъ на дернѣ
И около крестовъ.

Оттаявшія кости
Брыкаются со сна
И бродитъ на погостѣ
Весенняя луна.

Вотъ вылѣзли скелеты
Изъ тѣсныхъ, скользкихъ ямъ.
Бѣлѣютъ туалеты
Мужчинъ и рядомъ — дамъ.

Мужчины жмутъ имъ ручки,
Уводятъ въ лунный садъ
И всѣ земныя штучки
При этомъ говорятъ.

Шуршанье. Вздохи. Шопотъ.
Бряцаніе костей.
И слышенъ скорбный ропотъ
Изъ глубины аллей:

„Мадамъ! Плохое дѣло...
Осмѣлюсь вамъ открыть:
Увы, истлѣло тѣло —
И нечѣмъ мнѣ любить“!

БѢГСТВО.

Зеленой плѣсенью покрыты кровли башенъ.
Зубцы стѣны змѣятся вкругъ Кремля.
Закатъ пунцовой бронзою окрашенъ.
Надъ куполами золотомъ пыля,
Садится солнце сдержанно и сонно,
И древнихъ тучъ узоръ заткалъ полнебосклона.

Царь-колоколъ зѣваетъ старой раной,
Царь-пушка зѣвъ уперла въ небеса,
Какъ арбузы, — охвачены нирваной,
Спятъ ядра грузныя, не вѣря въ чудеса —
Имъ никогда не влѣзть въ жерло родное
И не рыгнуть въ огнѣ, свистя и воя...

У Краснаго Крыльца въ цвѣтныхъ полукафтаньяхъ
Верзилы пѣвчіе ждутъ, полы подобравъ.
Въ лиловомъ сумракѣ свивая очертанья,
Старинным золотомъ горитъ плеяда главъ,
А дальше терема, расписанные ярко,
И каменныхъ воротъ зіяющая арка.

Проѣзжій въ котелкѣ, играя модной палкой,
Въ Наполеоновскія пушки постучалъ,
Вздохнулъ, зѣвнулъ, взглянулъ и, улыбаясь жалко,
Поправилъ галстухъ, хмыкнулъ, помычалъ —
И подошелъ къ стѣнѣ: все главы, главы, главы
Въ послѣднемъ золотѣ закатно-красной лавы..

Широкій перезвонъ басовъ колоколовъ
Унизанъ бойкою, серебряною дробью.
Ряцы опричниковъ, монаховъ и стрѣльцовъ
Безшумно выросли и, хмурясь исподлобья,
Проходитъ Грозный въ черномъ клобукѣ
Съ желѣзнымъ костылемъ въ сухой рукѣ.

Скорѣе въ городъ! Современность ближе, —
Проѣзжій въ котелкѣ, какъ бѣшеный, подралъ.
Сѣсть въ узенькій трамвай, мечтать, что ты въ Парижѣ,
И по уши уйти въ людской кипящій валъ!
Въ случайный ресторанъ забраться по пути,
Газету въ руки взять и сердцемъ отойти...

„Эй, человѣкъ! скорѣй вина и ужинъ!“
Кокотка въ красномъ дрогнула икрой.
„Madame, присядьте... Я Москвой контуженъ!
Я одинокъ... О, будьте мнѣ сестрой.“
— „Сестрой, женой иль тещей — чѣмъ угодно, —
На этотъ вечеръ я совсѣмъ свободна.“

Онъ ей въ глаза смотрѣлъ и плакалъ зло и пьяно:
„Ты не Царь-колоколъ? Не башня изъ Кремля?“
Она, смѣясь, носкомъ толкнула фортепьяно,
Мотнула шляпкой и сказала: „Тля!“
Потомъ онъ взялъ ее въ гостинницу съ собой,
И тамъ она была ему сестрой.

ВЪ ОРАНЖЕРЕѢ.

Небо сѣро, — мгла и тучи, садикъ слякотью размытъ,
Надо какъ-нибудь подкрасить предвесенній русскій
быт.

Я пришелъ въ оранжерею и, сорвавъ сухой листокъ,
Молвилъ: „дайте мнѣ дешевый, прочный, пахнущій
цвѣтокъ".

Нѣмцу дико: „Какъ такъ прочный? Я васъ плохо
понималъ"...
„Да такой, чтобъ цвѣлъ подольше и не сразу
опадалъ".

Онъ ушелъ, а я склонился къ изумрудно-сѣрымъ мхамъ,
Къ юнымъ сморщеннымъ тюльпанамъ, къ гіацинт-
нымъ лепесткамъ.

Еле-еле прикоснулся къ крѣпкимъ почкамъ туберозъ
И до хмѣля затянулся ароматомъ чайныхъ розъ.

На азаліи смотрѣлъ я, какъ на райскіе кусты,
А лиловый рододендронъ былъ предѣломъ красоты.

Тамъ, за мглой покатыхъ стеколъ, гарь и пятна ржавыхъ крышъ, —
Здѣсь парной душистый воздухъ, гамма красокъ, зелень, тишь...

Но вернулся старый нѣмецъ и принесъ желтофіоль.
И очнулся, далъ полтинникъ и ушелъ въ сырую голь...

И идя домой, смѣялся: „Ахъ, ты нѣмецъ - крокодилъ,
Я на сто рублей безплатно наслажденья получилъ!"

ЭКЗАМЕНЪ.

Изъ всѣхъ билетовъ вызубривъ четыре,
Со скомканной программою въ рукѣ,
Неся въ душѣ раскаянія гири,
Я мрачно шелъ съ учебникомъ къ рѣкѣ.

Тамъ у рѣки блондинка гимназистка
Мои билеты выслушать должна.
Ахъ, провалюсь! Ахъ, будетъ злая чистка!
Но вѣдь отчасти и ея вина...

Зачѣмъ о ней я долженъ думать вѣчно,
Зачѣмъ она близка мнѣ каждый мигъ?
Вѣдь это, наконецъ, безчеловѣчно!
Конечно, мнѣ не до проклятыхъ книгъ.

Ей хорошо: по всѣмъ—двѣнадцать балловъ.
А у меня лишь по закону пять.
Ахъ, только гимназистки безъ скандаловъ,
Любовь съ наукой могутъ совмѣщать!

Пришелъ. Навстрѣчу грозный голосъ Любы:
„Когда Лойола орденъ основалъ?"
А я въ отвѣтъ ее жестоко въ губы,
Жестоко въ губы вдругъ поцѣловалъ.

„Не смѣть! Нахалъ! Что сдѣлалъ для науки,
Декартъ, Бэконъ, Паскаль и Галилей?"
А я въ отвѣтъ ея смѣшныя руки
Расцѣловалъ отъ пальцевъ до локтей.

„Кого освободилъ Пипинъ Короткій?
Ну, что-жъ? Молчишь! Не знаешь ни аза?"
А я въ отвѣтъ почтительно и кротко
Поцѣловалъ лучистые глаза.

Такъ два часа экзаменъ продолжался,
Я получилъ ужаснѣйшій разносъ!
Но, разставаясь съ ней, не удержался
И вновь поцѣловалъ ее въ засосъ.

. . . . . .

Я на экзаменѣ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ,
И вытащилъ... второй билетъ! Спасенъ!
Какъ я рубилъ! Спокойно, четко, гладко...
Иванъ Кузьмичъ былъ страшно пораженъ.

Бѣгомъ съ исторіи я, радостный и чванный,
Летѣлъ мою любовь благодарить...
Въ душѣ горѣлъ восторгъ благоуханный.
Могу-ли я экзамены хулить?

ВЪ УСАДЬБѢ.

Складъ вазоновъ на дорожкахъ,
На комодахъ, на столахъ,
На каминѣ, на окошкахъ,
На буфетахъ, на полахъ!

Три азартныхъ канарейки
Третій часъ уже подрядъ,
Выгнувъ тоненькія шейки,
Звонко стеклышки дробятъ.

За столомъ въ такомъ же родѣ
Деликатный дамскій хоръ:
О народѣ, о погодѣ,
О пюре изъ помидоръ...

Вспоминаютъ о Парижѣ,
Клонятъ головы къ плечу.
Я придвинулся поближе,
Наслаждаюсь и молчу.

„Ахъ, pardon!.. Возьмите ножку!
Масло? Ростбифъ? Камамберъ?"
Набиваюсь понемножку,
Какъ пожарный кавалеръ.

Лѣсъ высокихъ аракарій,
Въ рамкахъ — прадѣдовъ носы.
Словно старый антикварій,
Тихо шепчутся часы.

Самоваръ на курьихъ лапкахъ,
Гіацинты въ колпачкахъ.
По стѣнамъ — цвѣты на папкахъ
Мирно дремлютъ на крючкахъ.

Стекла сказочно синѣютъ:
Въ мерзлыхъ пальмахъ — искры льда.
Лампа - молнія лютѣетъ,
Въ печкѣ — красная руда.

Рай... Но входитъ Максъ - лягавый.
Всѣ иллюзіи летятъ!
Въ рай собакъ, о рокъ неправый!
Не пускаютъ, говорятъ...

Кавантсаари

СѢВЕРНАЯ ЛИРИКА.

Танецъ дикихъ у костровъ.
Пламя цѣпенѣетъ,
Вяло лижетъ вязки дровъ
И въ туманѣ рдѣетъ.

Стынутъ бѣлые ряды
Телеграфныхъ нитей.
Все слѣдочки да слѣды
У казенныхъ питей.

Горе! Малый весь дрожитъ,
Бьетъ рукой о донце...
Въ пеленѣ, какъ сыръ, сквозитъ
Розовое солнце.

Паръ отъ оконъ, стѣнъ и крышъ,
Мерзлыя рѣшетки.
Воздухъ — сталь, Нева — Иртышъ.
Комнату и водки!

Лопнетъ въ градусникѣ ртуть
Или лопнутъ скулы,
Тяжелѣй и гуще муть,
Холодъ злѣй акулы.

Замерзаю, какъ оселъ.
Эй, извозчикъ! Живо,
Въ Ботаническій пошелъ!
Понеслись на диво...

Ѣду пальмы посмотрѣть
И обнять бананы.
Ѣду душу отогрѣть
Въ солнечныя страны.

Эскимосы и костры!
Стужа сердце гложетъ, —
Часъ тропической жары
Только и поможетъ.

ГАРМОНІЯ.

Направо въ обрывѣ чернѣли стволы
Гигантскихъ, развѣсистыхъ сосенъ,
И былъ одуряющій запахъ смолы,
Какъ зной неподвижный, несносенъ.

Зеленыя искры свѣтящихъ жуковъ
Носились мистическимъ роемъ
И въ городѣ дальнемъ ряды огоньковъ
Горѣли вечернимъ покоемъ.

Подъ соснами было зловѣще темно
И выпи аукали дружно.
Не здѣсь ли въ лѣсу безконечно давно
Былъ Ивикъ убитъ безоружный?..

Шли люди — ихъ лица закутала тьма,
Но рѣчи отчетливы были:
„Вы знали-ли Шляпкиныхъ“? „Какъ же, весьма —
Они у насъ лѣтомъ гостили.“

„Какъ ваша работа“? „Идетъ, — ничего,
Читаю Роберта Овена.
Во вторникъ пойдемъ въ семинаръ?“ „Для чего?“
„Орловъ — референтъ“. — „Непремѣнно“.

„Что пишетъ Кадушкинъ?“ — „Женился, здоровъ,
И преданъ партійной работѣ“.
Молчанье. Затихла мелодія словъ,
И выпь разсмѣялась въ болотѣ.

КАРНАВАЛЪ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

Городъ спятилъ. Людямъ надоѣли
Платья сѣрыхъ будней — пиджаки.
Люди тряпки пестрыя надѣли,
Люди всѣ сегодня дураки.

Умничать никто не хочетъ больше,
Такъ пріятно быть самимъ собой...
Вотъ костюмъ кичливой старой Польши,
Вотъ бродяги шествуютъ гурьбой.

Глупый Михель съ пышною супругой
Сѣменитъ и машетъ колпакомъ,
Бѣлый клоунъ надрывается бѣлугой.
И грозитъ кому-то кулакомъ.

Ни проѣхать, ни пройти,
Засыпаютъ конфетти.
Щиплютъ пухленькихъ жеманницъ.

Нѣтъ манеръ, хоть прочь рубаху!
Дамы бьютъ мужчинъ съ размаху,
День во власти шумныхъ пьяницъ.

Надъ толпою — серпантинъ
Сѣтью пестрыхъ паутинъ
Перевился и трепещетъ.

Трескъ хлопушекъ, свистъ и вой,
Словно бѣшеный прибой
Рвется въ воздухѣ и плещетъ.

Идутъ, обнявшись, смѣясь и толкаясь,
Въ открытыя настежь пивныя.
Идутъ, какъ братья, шутя и ругаясь,
И всѣ такіе смѣшные...

Смѣхъ людей соединилъ,
Каждый пѣлъ и каждый пилъ,
Каждый дѣлался ребенкомъ.

Вонъ судья навеселѣ
Пляшетъ джигу на столѣ,
Вонъ купецъ пищитъ котенкомъ.

Хоръ студентовъ свѣжъ и воленъ, —
Слава сильнымъ голосамъ!
Городъ счастливъ и доволенъ,
Льется пиво по столамъ...

Ходятъ кельнерши въ нарядахъ —
Та матросомъ, та пажемъ,
Страсть и дерзость въ томныхъ взглядахъ:
„Помани и... обожжемъ!"

Пусть завтра опять наступаютъ будни,
Пусть люди одѣнутъ опять пиджаки,
И будутъ спать еще непробуднѣй, —
Сегодня мы всѣ — дураки!

Братья! Женщины не щепки, —
Губы жарки, ласки крѣпки,
Какъ венгерское вино.

Пейте, лейте, прочь жеманство!
Завтра трезвость, нынче пьянство...
Руки вмѣстѣ — и на дно!

ИЗЪ „ШМЕЦКИХЪ" ВОСПОМИНАНІИ.

[Посв. А. Григорьеву].

У берега моря кофейня. Какъ вкусенъ густой шеколадъ!
Лиловая жирная дама глядитъ у воды на закатъ.

— Мадамъ, отодвиньтесь немножко! Подвиньте вашъ грузный баркасъ.
Вы задомъ заставили солнце — а солнце прекраснѣе васъ...

Сосѣдъ мой краснѣетъ, какъ клюква, и смотритъ сконфуженно вбокъ.
— Не бойся! Она не услышитъ: въ ушахъ ея ватный клочекъ.

По тихой верандѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да пара щенятъ,
Закатныя волны вскипаютъ, шипятъ и любовно звенятъ.

Весь западъ въ пунцовыхъ піонахъ и тѣни играютъ
съ пескомъ.
А воздухъ вливается въ ноздри тягучимъ парнымъ
молокомъ.

— Михайловичъ, дай папироску! — Прекрасно сидѣть
въ темнотѣ,
Не думать и чувствовать тихо, какъ краски растутъ
въ высотѣ.

О, море вѣрнѣй валерьяна врачуетъ отъ скорби и
зла...
Фонарщикъ зажегъ уже звѣзды, и грузная дама ушла.

Надъ самой водою далеко, какъ сонный усталый
глазокъ,
Садится въ шипящее море цвѣтной, огневой ободокъ

До трехъ просчитать не успѣли, онъ вздрогнулъ и
тихо нырнулъ,
А съ моря уже доносился ночной наростающій гулъ...

Шмецке — вблизи Гунгербурга.

УЛИЦА ВЪ ЮЖНО-ГЕРМАНСКОМЪ ГОРОДѢ

Звонки бирюзовыхъ веселыхъ трамваевъ.
Фланеры туристы, потокъ горожанъ...
Какъ яркія перья цвѣтныхъ попугаевъ
Уборы студентовъ. А воздухъ такъ пьянъ!

Прекрасные люди! Ни брани, ни давки.
Узнайте: кто герцогъ и кто маникюръ?
А какъ восхитительны книжныя лавки,
Какія гирлянды изъ книгъ и гравюръ!

Въ обложкахъ малиновыхъ, желтыхъ, лиловыхъ
Цвѣтутъ, какъ на грядкахъ, въ зеркальномъ окнѣ...
Сильнѣе колбасныхъ, сильнѣе фруктовыхъ
Культурное сердце плѣняютъ онѣ.

Прилично и сдержанно умныя таксы
Флиртуютъ носами у низкихъ витринъ,
А Фриды, и Францы, и Мины, и Максы
Плѣняютъ другъ друга жантильностью минъ.

Жара. У Perkeo *) открыли окошки.
Отрадно сидѣть въ холодкѣ и смотрѣть:
Вонъ цугъ корпорантовъ. За дрожками дрожки...
Поютъ и хохочутъ. Какъ пьянымъ не пѣть!

Свѣжи и дородны, глупы, какъ кентавры.
Проѣхали. Солнце горитъ на домахъ.
Зеленыя кадки и пыльные лавры
Слились и кружатся въ лѣнивыхъ глазахъ.

Свистъ школьниковъ, хохотъ и пьяные хоры,
Звонки, восклицанія, топотъ подковъ.
Довольно! Въ трамвай — и къ подъему на горы.
. . . . . .
О, сила пространства! О, сны облаковъ!..

*) Старинный ресторанъ въ Гейдельбергѣ.

ТЕАТРЪ.

Въ жизни такъ мало красивыхъ минутъ,
Въ жизни такъ много безвѣрья и черной работы.
Мысли о прошломъ морщины на блѣдныя лица кладутъ,
Мысли о будущемъ полны свинцовой заботы,
А настоящаго — нѣтъ... Такъ между двухъ береговъ
Бьемся безъ смѣха, безъ счастья, надеждъ и боговъ..

И вотъ, порою,
Чтобъ вспомнить, что мы еще живы,
Чужою игрою
Спѣшимъ угрюмое сердце отвлечь.
Пусть снова встанутъ
Миражи счастья съ красивой тоскою,
Пусть насъ обманутъ,
Что въ замкѣ смерти живетъ красота.
Намъ „Синія птицы"
И „Вѣчныя сказки" — желанныя гостьи,
Пускай — небылицы,
Въ нихъ наши забытыя слезы дрожатъ.

У барьера много сѣрыхъ, некрасивыхъ, блѣдныхъ лицъ,
Но въ глазахъ у нихъ, какъ искры, бьются крылья синихъ птицъ.
Вотъ опять открылось небо — голубое полотно...
О, по цвѣту голубому стосковались мы давно,
И не меньше стосковались по ликующимъ словамъ,
По свободнымъ, смѣлымъ жестамъ, по несбыточнымъ мечтамъ!

Дома стѣны, только стѣны,
Дома жутко и темно,
Тамъ, не зная перемѣны,
Повторяешь: „все равно“...

Все равно... Но трудно искры въ нищемъ сердцѣ затоптать,
Трудно жить и знать, и видѣть, но не вѣрить, но не ждать,
И играть тупую драму, покорившись, какъ овца,
Безъ огня и вдохновенья, безъ начала и конца...

И вотъ, порою,
Чтобъ вспомнить, что мы еще живы,
Чужою игрою
Спѣшимъ угрюмое сердце отвлечь.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ВСѢМЪ НИЩИМЪ ДУХОМЪ.

	Стр.
Критику	5
Ламентаціи	9
Пробужденіе весны	12
Пѣсня о полѣ	14
Анархистъ	15
Пошлость	16
Потомки	18
Крейцерова соната	20
Отъѣздъ петербуржца	22
Искатель	24
Всѣ въ штанахъ скроенныхъ одинаково	26
Опять	28
Культурная работа	30
Желтый домъ	32
Зеркало	34
Споры	36
Интеллигентъ	38
Отбой	40
1909	42
Новая цифра	44
Безсмертье	47
Простыя слова	48
Утѣшеніе	49
Діэта	50
Два желанія	52

II. БЫТЪ.

Стр.

Мясо 55
Всероссійское горе 57
Обстановочка 60
Совершенно веселая пѣсня 62
Служба сборовъ 64
Окраина Петербурга 66
На открытіи выставки 68
Жизнь 70
На вербѣ 72
Пасхальный перезвонъ 73
На петербургской дачѣ 74
Ночная пѣсня пьяницы 76
Городская сказка 78
Лаборантъ и медички 81
Въ гостяхъ 84
Европеецъ 86
Мухи 88
Кухня 89

III. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХЪ.

Продолженіе одного стараго разговора 93
Въ редакціи толстаго журнала 104
„Смѣхъ сквозь слезы" 107
Стилизованный оселъ 110
Недоразумѣніе 112
Переутомленіе 114
Два толка 116
Нетерпѣливому 117
Недержаніе 118
Сиропчикъ 119
Юмористическая артель 120
Послѣ посѣщенія „Литер. общества" 123
Корнѣй Бѣлинскій 124
Читатель 126

Стр.
Трагедія 128
Criticus 129
Литераторы на Капри 130
Изъ зеленой тетрадки 131
Жестокій богъ литературы 134

IV. ПОСЛАНІЯ.

Посланіе первое 137
„ второе 139
„ третье 141
„ четвертое 142
„ пятое 144
„ шестое 146
Кумысныя вирши I—IV 148

V. ПРОВИНЦІЯ.

Бульвары 159
Священная собственность 161
На славномъ посту 162
При лампѣ 164
Шкатулка провинціальнаго „Cabalero“ 166
На галеркѣ 167
Раннимъ утромъ 168
Лошади 170
Изъ гимназическихъ воспоминаній 172
Виленскій ребусъ 174
Первая любовь 175
На музыкальной репетиціи 178
Праздникъ 180
На рѣкѣ 182
Псковская колотовка 184
Уѣздный городъ Болховъ 186
Трава на мостовой 188

VI. ЛИРИЧЕСКІЯ САТИРЫ.

Стр.

Подъ сурдинку 191
У моря 193
Изъ Финляндіи 195
Пѣснь пѣсней 197
Сквозной вѣтеръ 202
Весна мертвецовъ 203
Бѣгство 204
Въ оранжереѣ 206
Экзаменъ 208
Въ усадьбѣ 210
Сѣверная лирика 212
Гармонія 214
Карнавалъ въ Гейдельбергѣ 215
Изъ „Шмецкихъ“ воспоминаній 218
Улица въ южно-германскомъ городѣ . . . 220
Театръ 222

BINDING SECT. OCT 15 1966

PG
3476
G545S3
1922

Glikberg, Aleksandr Mikhailovich
Satiry Novoe, dop. izd.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY